В. И. ИВАНЕНКО

ТРОПОЮ ПАМЯТИ

Автор книги, советский дипломат, делится воспоминаниями о своей работе в Китае (Синьцзяне) в 1940—1943 годах, в, Монгольской Народной Республике в 1943—1948 годах и в Корейской Народно-Демократической Республике в 1950—1953 годах.

Читатель, познакомится с бытом и жизнью населения самой большой провинции Китая — Синьцзяна, угнетавшегося чанкайшистами, с нравами правящей чиновничьей верхушки, совершит путешествие по Народной Монголии. Яркие страницы книги посвящены эпизодам героической борьбы корейского народа против американских агрессоров.

Описываемое автором недавнее прошлое во многом перекликается с событиями, происходящими в мире сейчас, помогая лучше понять их.

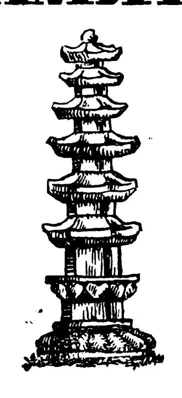
Интересный фактический материал живая, увлекательная форма изложения, несомненно, привлекут внимание читателя.

Книга в рукописи была просмотрена профессором Тихвинским С. Л., доцентом Гавриловым Ю. Н. и Ткаченко А. М. и получила положительную оценку.

В. И. ИВАНЕНКО

ТРОПОЮ ПАМЯТИ

Издательство «Международные отношения»
Москва 1968

СОДЕРЖАНИЕ

Василий Иванович Иваненко

ТРОПОЮ ПАМЯТИ

Литературный редактор *Ф. Ф. Шахмагонов*
Редакторы издательства *Л. Ф. Крылова* и *Н. Л. Пахомов*
Оформление художника *А. Н. Тихомирова*
Художественный редактор *Г. Ф. Скачков*
Технический редактор *Е. В. Грачева*
Корректор *Л. Ф. Крылова*

А-03233 Сдано в набор 1/II 1968 г. Подписано в печать 18/IV 1968 г. Формат 84×108 1/32.
Бумага тип. № 2 Усл. печ. л. 6,30
Уч.-изд. л. 6,44. Тираж 50.000 экз.

Издательство «Международные отношения», Москва, И-90, Мещанская, 7.
Зак. № 127

1-11-3
83-68

Тип. № 24 Главполиграфпрома
Ул. Маркса — Энгельса, дом 14
Цена 19 коп.

Вместо предисловия

КИТАЙ, МОНГОЛИЯ, КОРЕЯ. Три восточных страны. У каждой своя сложная, самобытная история, своя культура, свой климат, своя природа, свои непохожие друг на друга национальные традиции, обычаи и нравы. Эти три страны по площади превосходят территории крупнейших европейских государств, вместе взятых, а по численности населения составляют немногим меньше половины населения земного шара.

Нужны годы, чтобы узнать эти страны, их народ, разобраться в хитросплетениях завязавшихся вокруг них международных противоречий. Политические деятели, заправилы монополистического капитала, дипломаты не раз скрещивали здесь оружие в ожесточенных схватках за сферы влияния. Спокойствия на этих землях не было.

Теперь, оглядываясь назад, должен с сожалением отметить, что, отправляясь в Китай со своей первой дипломатической миссией, я все же очень смутно представлял себе и страну, и ее народ. Знания мои были книжными, отвлеченными, память держала массу цифр, которые всегда недолговечны; но культура, обычаи и нравы народа — явления почти постоянные — ускользали от моего внимания.

В Китае, в его самой крупной провинции Синьцзян, мне довелось работать в 1940—1943 годах. Три с лишним года. Срок, конечно, малый, чтобы глубоко изучить страну, но достаточный, чтобы составить о ней хотя бы общее представление.

Китай в 1940—1943 годах продолжал подвергаться нападению японских империалистов. Японские войска под лозунгом «все жги, все грабь, всех убивай» продви-

гались на юго-запад страны, испепеляя китайские деревни, заливая кровью китайскую землю. Китайскому народу грозило порабощение иностранными захватчиками. И все же даже в это критическое для страны время гоминдановское правительство не прекращало, а, напротив, всячески усиливало злостные антисоветские выпады и провокации, хотя Советский Союз был надежным другом китайского народа. Наша дипломатическая колония в Синьцзяне оказалась в очень трудном положении. Гоминдановские чиновники создали вокруг нас атмосферу ненависти и угроз, и не всегда можно было разобраться, что в их действиях было инспирировано центральным правительством, что было их собственным «художеством», а что совершалось по указке агентуры иностранных разведок.

Совершенно иную картину довелось мне наблюдать в Монголии. Монгольская Народная Республика в те годы, когда я там работал (1943—1948 гг.), переживала пору национального возрождения. Страна сбрасывала путы феодализма, переводила хозяйство на социалистические рельсы. В этом процессе были свои трудности, но они не омрачали радости побед. Менялся облик Монголии, менялись и люди, приобщаясь к культуре, к созидательному труду, зарождалась промышленность, рос рабочий класс, формировалась трудовая интеллигенция.

В КНДР я работал в тревожное для этой страны время — с 1950 по 1953 год. 25 июня 1950 г. американский империализм развязал войну против молодой Корейской Народно-Демократической Республики. Более трех лет длилась эта варварская агрессия, которую США пытались прикрыть флагом ООН. Естественно, что война не могла не наложить отпечатка на работу советских дипломатов, находившихся в то время на корейской земле.

И в Китае, и в Монголии, и в КНДР мне приходилось много ездить, бывать в труднодоступных местах, преодолевая огромные пространства почти по полному бездорожью. Поездки влекли за собой интереснейшие встречи. Я беседовал и с сельскими жителями, и с рабочими, и с государственными деятелями...

Итак, три восточных государства, три своеобразных периода в жизни народов этих государств.

В своих воспоминаниях я попытаюсь рассказать о жизни этих стран и событиях, непосредственным свиде-

телем которых мне довелось быть. Мои заметки — это заметки о прошлом, в котором в какой-то степени прослеживаются истоки ряда сегодняшних явлений.

* *
*

Должен признаться, что, начиная свой трудовой путь, я и не предполагал, что когда-нибудь стану дипломатом, и, разумеется, не готовил себя к этой трудной и почетной деятельности. Я начинал рабочим цементного завода в Амвросиевке (Донбасс), а затем работал в Таганроге, на кожевенном заводе.

Это были трудные годы для нашей тогда еще молодой, только что вышедшей из гражданской войны Республики. Все было для нас внове: руководство гигантской страной, политическое просвещение масс, приобщение масс к культуре, умение научиться хозяйствовать, управлять промышленностью, решение проблем, связанных с сельским хозяйством. Из вековой спячки, в которую были погружены народные массы царской России, мы переходили к темпам жизни, которые для Европы давно стали привычными. Этот огромный путь преобразования России из отсталой, аграрной страны в передовую, индустриальную державу мы должны были проделать одни, без чьей-либо помощи, во враждебном окружении.

Европейские авторитеты выступали в роли мрачных предсказателей, в зависимости от своего настроения назначая Советской России сроки гибели. Один по щедрости душевной предсказывал крушение большевистских усилий через семь лет, другой отпускал нам три года. Всяк по-своему... А мы учились, работали, не покладая рук, потуже затянув пояс, как затягивали русские плотники армяки на горячей артельной работе.

Теперь часто сравнивают жизненный уровень нашего народа с жизненным уровнем, скажем, в США. Пропагандисты «народного капитализма» любят поиграть цифрами: сколько того-то приходится на душу населения, что может купить американский рабочий на доллар, сколько долларов ему платят за работу. И мало кто признается, что монополисты вынуждены делиться своими прибылями с рабочим классом, ибо само существование Советского государства заставляет их быть «доб-

ренькими» и идти на уступки... Мы же добивались лучшей доли с оружием в руках, пролитой кровью лучших сынов рабочего класса на полях сражений...

Мне, как и моему американскому сверстнику, было бы куда полезнее пройти полный курс наук за школьной партой, неторопливо осваивать накопленные человечеством знания, овладевать огромными богатствами культуры, а не черпать совковой лопатой цемент. Но я и люди моего поколения не имели этой возможности. Мы работали и учились одновременно. Нужно было из руин поднимать нашу промышленность. Мы все должны были начинать сначала, как будто бы до нас ничего и не было...

Мы только-только налаживали мирную жизнь, и вдруг — внезапная смерть Ленина. Никакими словами не передать того, что пережила наша страна, наш народ в том памятном 1924 году.

Мне тогда было мало лет, я не мог откликнуться на ленинский призыв и вступить в партию. Я вступил в комсомол. Работал, учился, стал сначала бригадиром, затем мастером и, наконец, начальником комсомольского цеха. Партия выдвинула меня на пост директора завода.

Требования, которые предъявляла развивающаяся промышленность, росли. И те, кто не хотел тянуться в обозе, должны были учиться. В 1935 году меня направили на учебу в Московский технологический институт. Я воспринял это как ответственное партийное поручение.

Конечно, теперь и подготовка студентов иная, чем она была у нас, и программы усложнились. Все то, что сегодня школьник черпает не из уроков, а из окружающего мира, из теле- и радиопередач, видит на экранах кинотеатров, в музеях, на выставках, узнает из множества книг, нам приходилось штурмовать ночами, в спешке. Но так было надо! Мы бросили вызов капитализму, и, чтобы победить в мирном соревновании, нужно было в кратчайшие сроки овладеть всем богатством знаний, которые столетиями накапливало человечество.

В 1939 году я защитил диплом и Государственная комиссия присвоила мне звание инженера-механика кожевенно-обувной промышленности.

Нас, первых, получивших звания инженеров, ждала промышленность. Мне поручили руководить промышленным комбинатом в Новосибирске.

И вдруг все переменилось. Меня вызвали в Центральный Комитет партии. Инструктор ЦК расспрашивал меня о моих планах, о моей учебе, я ему рассказал биографию, еще не догадываясь, к чему приведет эта беседа. Но вопросы, я чувствую, задаются человеком, который уже в подробностях знает и мою жизнь, и мою работу. И вот заключающий вопрос: «Скажите, а как бы Вы отнеслись к переходу на дипломатическую работу?».

Инженер кожевенного производства — и дипломатическая работа! Что здесь могло быть общего? Во все времена дипломатическая карьера была привилегией правящей касты. К дипломатическому поприщу готовили с детских лет в специальных лицеях, корпусах. В царской России дипломатия была оставлена за дворянством, так же как в Англии и Германии, несмотря на то что капитализм в этих странах уже захватил господствующие позиции. И дело, конечно, не только в привилегиях, а в особой подготовке дипломата, в круге его знаний, в навыках, в воспитании...

Однако Советскому государству никто не оставил в наследство готовые служить ему дипломатические кадры.

Дипломатический аппарат царского МИД с первого дня саботировал все усилия Советской власти. Партия исподволь и годами готовила смену старому аппарату. Но жизнь торопила. Нужны были люди, способные применить свое партийное мировоззрение, свои убеждения на передовой линии схватки в классовых битвах, нужны были люди, на которых партия могла положиться за рубежом. На дипломатическую работу партия призывала с партийной, профсоюзной, комсомольской и хозяйственной работы.

Международная обстановка в те годы, когда мне пришлось переступить порог Наркоминдела, была сложной.

Прежде всего, конечно, Испания!

Мы, советские люди, с огромным волнением следили за развитием событий в этой героической стране, народ которой в неравной борьбе отстаивал свою свободу. Редко у кого из нас не было дома карты, где мы переставляли красные флажки, с тревогой наблюдая, как сужается очерченная ими территория республиканской Испании. В Испании сражались и советские добровольцы. Дипломатические соображения вынуждали отправку добровольцев держать в глубокой тайне. «Комитет невме-

шательства», позиция французского правительства, холодное равнодушие английского кабинета министров, наглая и открытая помощь итальянских и немецких фашистов испанским мятежникам — все это было предметом горячих дискуссий. В Испании решались судьбы демократии; фашизм давал человечеству первые уроки, которые многим тогда не пошли впрок.

Советским дипломатам приходилось проявлять немало гибкости, мудрости и такта, чтобы в какой-то степени обеспечивать помощь испанскому рабочему классу.

1939 год. Сопротивление испанских республиканцев на исходе. Германский фашизм поставил на повестку дня еще более тревожные вопросы. Позади аншлюс Австрии, Мюнхен, нависла угроза над Польшей. К ее границам стягивалась полуторамиллионная армия, три с половиной тысячи немецких танков, три тысячи самолетов. Польша.., а там недалеки и границы СССР. Правящие круги Англии и Франции подталкивали агрессора на Восток, еще не представляя, сколь коварного джина выпустили они из бутылки.

В Европе все было в движении, в процессе формирования политических коалиций, консолидации разнодействующих сил.

Не менее сложной была обстановка и на Востоке, где все более проявлялись агрессивные устремления Японии.

Мое поколение дипломатических работников приходило в Наркоминдел не на голое место. Уже успели выработаться и сложиться традиции советской внешней политики, стиль советской дипломатической работы. Многие из сложнейших международных узлов были развязаны. Нам было чему учиться.

Можно проследить, с каким блеском разорвала советская дипломатия кольцо политической изоляции молодой Советской Республики.

В 1920 году РСФСР заключила мирные договоры со своими ближайшими западными соседями — в то время Латвией, а также с Финляндией. В. И. Ленин говорил еще буржуазными республиками — Эстонией, Литвой, тогда, что мы на деле показали своей мирной политикой настоящее желание жить в мире со всеми.

1921 год. В Москве подписаны договоры с рядом стран Ближнего и Среднего Востока: 26 февраля — договор об установлении дружеских отношений с Ираном, 28 фев-

раля — договор о дружбе с Афганистаном, 16 марта — договор о дружбе и братстве с Турцией. Это были первые подлинно равноправные договоры великой социалистической державы со странами Востока.

16 марта подписан мирный договор с Польшей. В этом же году в Москве подписано советско-монгольское соглашение. Монголия была первой на Дальнем Востоке страной, с которой Советская Россия установила дипломатические отношения.

В апреле 1922 года Советское государство заключило в Рапалло договор о восстановлении дипломатических отношений с Германией. Наша дипломатия воспользовалась углублением противоречий между Германией и Антантой. Единый антисоветский фронт раскололся.

Г. В. Чичерин в своем заявлении представителям советской печати в связи с двухлетней годовщиной Рапалльского договора отмечал, что этот договор был концом первого послевоенного периода триумфа победителей. Рапалльский договор был заключен без ведома последних и вопреки их воле.

Рост мощи Советской державы, провал военной интервенции и блокады, крах попыток использовать хозяйственную разруху и неурожаи в Поволжье, неудача «ультиматума Керзона» — все это показало, что Советское государство нельзя сломить ни силой оружия, ни угрозами, ни экономическим и дипломатическим нажимом. Капиталистическим государствам пришлось перейти от «полупризнания» к признанию Советской Республики и установлению с ней дипломатических отношений.

К маю 1923 года пять капиталистических государств Европы (Германия, Норвегия, Австрия, Италия, Чехословакия) имели торговые соглашения с Советской Россией, а в Эстонии, Англии, Швеции, Литве, Турции и Иране были созданы наши торговые представительства.

1924 год вошел в историю нашей страны как год дипломатических признаний СССР многими странами капиталистического мира. Только с февраля 1924 года по январь 1925 года Советский Союз признали Англия, Италия, Австрия, Греция, Норвегия, Швеция, Китай, Дания, Франция, Япония.

В 1924—1925 годах стало развиваться движение за установление с СССР нормальных дипломатических, эко-

номических и культурных связей и в странах Латинской Америки.

Первой на путь установления дипломатических отношений с Советским Союзом вступила Мексика, затем Уругвай. Большой интерес к установлению политических и экономических связей с СССР наблюдался и в Аргентине. Через своих дипломатических представителей за границей Бразилия, Чили, Венесуэла, Сальвадор, Колумбия и Боливия также предприняли попытки выяснить возможность установления связей с Советским Союзом. И не по вине СССР отношения между ним и большинством латиноамериканских стран в то время не были установлены. Но с рядом государств Южной Америки СССР поддерживал широкие торговые связи.

В. И. Ленин говорил, что в области внешней политики «мы продолжали тот курс, который был взят раньше, и... продолжали его совершенно последовательно и с громадным успехом». И далее: «...У нас не было, так сказать, если употребить старое сравнение, никаких пересадок, ни на другие поезда, ни на другие упряжки» [1].

Отступили, сделали «пересадку» капиталистические государства. Они были вынуждены признать факт сосуществования двух общественных систем и пойти на межгосударственные соглашения с социалистической страной.

16 ноября 1933 г. были установлены нормальные дипломатические отношения с США, что имело важное значение для укрепления дела мира.

В феврале 1934 года было подписано соглашение об установлении дипломатических отношений с Венгрией, в июне — с Чехословакией и Румынией, в июле — с Болгарией, в сентябре — с Албанией.

18 сентября 1934 г. Советский Союз был принят в Лигу наций. Наша страна вышла на широкую международную арену.

Короче говоря, уже был накоплен опыт внешнеполитической стратегии, оставалось познать ее законы, ее обоснования, ее философию. А для этого необходимо было время, нужны были и учителя.

Однако перед дипломатическими работниками стояли задачи и иного характера, пусть менее значительные, в

[1] В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 45, стр. 301.

какой-то степени даже личного плана, но тоже требовавшие умелого решения. Это — вопросы такта, и не только твоего такта, но и такта твоей семьи, это твой образ жизни, это характер. Ведь личная жизнь дипломата так тесно переплетается с общественной, что не всегда и не сразу заметишь между ними границу.

Мне в какой-то мере посчастливилось. Первым моим наставником на этом трудном, а главное, совершенно новом для меня поприще был замечательный советский дипломат Владимир Петрович Потемкин, первый заместитель наркома иностранных дел.

Он был представителем ленинской гвардии, живым выразителем традиций передовой русской интеллигенции, которая еще во времена подполья пришла в революцию и дала таких выдающихся деятелей, как В. И. Ленин, Ф. Э. Дзержинский, Л. Б. Красин, В. В. Воровский, В. Володарский, Г. В. Чичерин, А. В. Луначарский, М. М. Литвинов и др. Эти люди шли в революцию по глубоким убеждениям, посвятив свою жизнь бескорыстному служению народу. У этой части русской интеллигенции были высокие традиции. От Радищева... От времен, когда русская дворянская интеллигенция впервые задумалась над вопросами социального неравенства в России. И эта жилка беспокойства русской интеллигенции пульсировала, не утихая, даже во времена самых мрачных царских режимов. Декабристы на Сенатской площади, петрашевцы, Чернышевский у позорного столба гражданской казни, хождение в народ, цареубийство... Именно лучшие из лучших русских интеллигентов пришли и в ленинскую партию.

Так что передо мной был не только дипломат, занимающий важный государственный пост, но и человек, сама биография которого была и живой историей, и примером...

Владимир Петрович живо обрисовал мне задачи, которые выдвигало то время перед советской дипломатией. Он дал мне в сравнительно короткой беседе блестящий анализ международного положения, уходил в историю и предсказывал будущее, но не как прорицатель, а как ученый, который может предвидеть будущее на основе фактов сегодняшнего дня.

Он дал и классическую характеристику того, каким должен быть советский дипломат...

Советский дипломат за рубежом, на передовой линии борьбы двух систем должен представлять не только государственные интересы, но и мировоззрение своего народа. Он должен быть подготовлен не только как историк, но и как марксист, как философ-марксист! В личном плане он должен быть скромен. Советский дипломат представляет могучую державу, он должен и в быту своем не ронять достоинства.

Дипломат должен быть сдержан, ибо ничто так не украшает человека, даже в минуты крайне страстных споров, как сдержанность. Если хочешь, чтобы противник в дискуссии принял твою точку зрения, не раздражай его вспыльчивостью и грубостью, будь сдержан и действуй логикой. В своем общении с людьми дипломат должен быть интеллигентен, а это значит, что не следует утомлять своего собеседника пустяками, надо уметь вовремя спросить, надо уметь вовремя встать, вовремя уйти.

Вовремя спросить, вовремя встать, вовремя уйти... Эта формула в дипломатической деятельности имеет почти математические свойства, свойства закона, соблюдение которого никогда не поставит дипломата в затруднительное положение.

Что такое вовремя спросить в дипломатическом общении? Это спросить, когда ты уверен, что получишь ответ на свой вопрос, что не уйдут от ответа, поставив тебя в неловкое положение.

Переговоры за круглым столом могут зайти в тупик, и, если противная сторона заняла непримиримую позицию, надо вовремя встать и уйти, тем самым не только сохраняя достоинство, но и демонстрируя твердость позиции, что иногда действует убедительнее всяких слов...

Это и многое другое преподал мне Владимир Петрович Потемкин...

Я дал согласие работать в Наркоминделе. Мне была предложена работа в Китае. Владимир Петрович сказал: «Готовьтесь! Внимательно изучайте документы, страну, ее историю, ее нравы и обычаи...».

Синьцзян

Китай... Огромная древняя страна с большой и запутанной историей. Возникали, словно из небытия, расширялись, накапливая могущество, древние царства. Разгорались редкостные для тех давних времен очаги цивилизации, потом все это распадалось, тонуло в междоусобных войнах, длившихся столетиями, или рушилось под ударами полудиких кочевников, и вновь возрождались и могущество, и культура, и опять все развеивалось прахом, вновь рушилось. Оставался народ, оставались народные предания, оставались и выгранивались в веках национальные традиции, новые цивилизации наследовали достижения своих предшественников.

За несколько столетий до нашей эры в Китае уже умели плавить медь и чугун, добывали каменный уголь, еще в III веке до нашей эры были изобретены компас и измеритель пройденного расстояния, более двух тысяч лет назад появилась бумага, началось книгопечатание, возникла иероглифическая письменность. На доброе тысячелетие обогнали китайцы Европу и в производстве фарфора. Медицина в Китае достигла значительных успехов еще в то время, когда в Европе процветало знахарство. Значительны были успехи и древних китайских астрономов.

Древний Египет поражал наше воображение сооружениями гробниц фараонов — гигантских пирамид. В Китае же в те древние времена труд был более целенаправленным. Около двух тысяч лет назад построена Дунцзянская плотина и самая обширная в мире оросительная система в провинции Сычуань.

Деяния народные оставляют след не только в памяти народов, в преданиях и сказах, не только на страницах летописей, они изменяют и лик земли. К таким созданиям народного труда мы можем отнести и Великий канал в Китае длиной в 1782 километра и Великую Китайскую стену протяженностью почти в 5000 километров.

Того, кто впервые начинает знакомиться с Китаем, поражают масштабы этой страны. Огромная территория, численность населения, ныне перевалившая за 700 млн. человек, тысячелетняя история, гигантские сооружения.

Изучить Китай! Теперь, оглядываясь на прошлое, мне не могут не казаться наивными мои попытки. И жизни не хватит, чтобы изучить и познать эту страну. Можно стать специалистом в области истории Китая, выбрав для изучения какой-либо отрезок его истории; тщательное изучение географии Китая также требует узкой специализации.

Другая, не менее сложная задача—это понять народ, структуру китайского общества. Китай тех лет, когда мне предстояло туда выехать, поражал резкими социальными контрастами. Часть населения Китая еще вела кочевой образ жизни, целые районы страны, в сороковые-то годы двадцатого столетия, еще находились во власти феодального строя.

В некоторых провинциях царила полная безграмотность, люди влачили полудикое существование. Иероглифическая письменность была очень трудна для изучения, освоить ее могли только избранные, материально обеспеченные слои китайского общества. И наряду с этим в стране подавляющей неграмотности получили высокое развитие изящная словесность, художественная литература, философские школы, достигли значительных вершин математика и медицина.

В стране перепутались феодализм и нарождающийся национальный капитализм. Концентрация капитала в Китае приобрела уродливые и чудовищные формы. Когда говорят, скажем, о концентрации монополистического ка-

питала во Франции, в стране, значительно меньшей, чем Китай, то называют «двести семейств». В Китае в сороковых годах командные высоты во всех областях общественной, политической и экономической жизни страны сосредоточились в руках «четырех семейств» — Цзянов, Сунов, Кунов и Чэней. И вместе с тем в стране росло и крепло революционное движение. Получила широкое распространение марксистская философия, начали свое победоносное шествие идеи ленинизма. Китай пробуждался...

Колониальное господство ряда европейских держав, бесконечные междоусобицы приостановили развитие китайской цивилизации на многие десятилетия. В годы бурной технической революции в Европе Китай оставался отсталой, аграрной страной. Европа получила технический и материальный перевес над Китаем. Но уже во второй половине девятнадцатого века представители китайских националистических течений намечали пути, как сбросить с себя гнет иностранного капитала, вынашивали планы установления мирового господства китайской нации. Очень интересно в этом смысле свидетельство русского философа прошлого столетия Вл. Соловьева. Идеалистическая философская система Соловьева, пронизанная религиозным фанатизмом, не получила развития. Однако для читателя, несомненно, представит интерес нижеследующее наблюдение Соловьева, относящееся к 1890 году: «Мне вспомнилось одно заседание Парижского Географического общества, на котором я случайно присутствовал года полтора тому назад. Состав ораторов был самый разнообразный: тут выступали французские географы и египтологи, голландские и португальские путешественники, среднеафриканский негр в белоснежном пасторском галстуке и ученый итальянский монах в светском костюме. Французы говорили комплименты и себе и своим гостям, голландец и португалец ожесточенно поспорили о том, которая из этих двух наций есть величайшая в мире, ... негр, заявив, что черная раса представляет поэтический и женственный элемент в человечестве, скромно уступил белым первое место в историческом прогрессе. Но настоящим героем вечера был не белый и не черный, а желтый человек: китайский военный агент в Париже и сотрудник «Revue deus Mondes», известный генерал Чэн Ки-тонг. Во всей этой

толпе с разноцветными лицами, но с одноцветной европейской одеждой он один сохранил свой национальный наряд. Тем поразительнее была его речь, произнесенная на чистейшем парижском говоре, без малейших следов иностранного акцента. Речь эта, содержавшая, по-видимому, только остроумное пустословие, сопровождалась всеобщим одобрительным смехом и вызвала шумную овацию. Я, как и все, смеялся остротам желтого генерала и удивлялся чистоте и бойкости его французской речи. Но вместе с тем я был глубоко поражен полновесным смыслом, скрывавшимся под этой на вид легкомысленной болтовней. Передо мной был представитель чужого, враждебного и все более и более надвигающегося на нас мира. В его словах ненамеренно и, быть может, незаметно для него самого высказывалось целое исповедание, общее ему с четырехсотмиллионной народной массой.

„Мы готовы и способны взять от вас все, что нам нужно, всю технику вашей умственной и материальной культуры, но ни одного вашего верования, ни одной вашей идеи и даже ни одного вашего вкуса мы не усвоим. Мы любим *только себя* и уважаем *только силу*. В своей силе мы не сомневаемся: она прочнее вашей. Вы истощаетесь в непрерывных опытах, а мы воспользуемся плодами этих опытов для своего усиления. Мы радуемся вашему прогрессу, но принимать в нем активное участие у нас нет ни надобности, ни охоты: вы сами готовите средства, которые мы употребим для того, чтобы покорить вас"» [2].

Разумеется, Соловьев не прав, ставя знак равенства между взглядами китайского милитариста и целого народа. Но приведенное им высказывание китайского генерала весьма красноречиво.

Мой экскурс в историю Китая был кратким. Вернемся к тогдашнему положению страны.

Национализм, подхлестнутый инвестициями иностранного капитала, превращался в опасное оружие для разного рода империалистических устремлений на восточных границах СССР.

Китай раздирался внутренними противоречиями. Расширялась классовая борьба, уже над целыми провин-

---

[2] В. С. Соловьев, Собрание сочинений, т. 6, СПб., 1912, стр. 93—94.

циями реяли красные знамена, действовала регулярная Красная Армия, возглавляемая компартией Китая. С севера на Китай надвигались армии японских милитаристов.

К чему же в такой обстановке могла сводиться миссия советского дипломата в Китае? Не дипломатии вообще, а именно дипломата. В мои задачи не входит рассказ о деятельности советской дипломатии, я ограничусь рассказом только о своей скромной миссии консула в одном из городов Синьцзяна.

На первый взгляд все, казалось, было очень просто. В обязанности консула входит защита интересов граждан его страны там, куда он послан дипломатическим представителем.

Личных интересов советских граждан, сугубо личных, в Синьцзяне почти не было. Советские граждане выполняли в Синьцзяне высокую государственную миссию. Они занимались вопросами торговли между Синьцзяном и Советским Союзом, советские специалисты помогали наладить промышленность, оказывали помощь в строительстве промышленных объектов, в геологоразведочных работах, в техническом оснащении сельского хозяйства. Естественно, что обмен опытом в вопросах хозяйственного строительства должен был сопровождаться и усилением культурных связей.

К решению всех этих задач я и готовился в течение года в стенах Наркоминдела. Разобраться в обстановке мне помогали заместитель наркома иностранных дел С. А. Лазовский и заведующий Дальневосточным отделом Г. П. Латышев. И вот, наконец, отъезд.

Май 1940 года. Последний предвоенный год. На глазах хорошела Москва. Вырастали новые здания современной архитектуры. Уже не только серой краской нужды и ограничений окрашивался людской поток на многолюдных улицах. Появились на женщинах платья веселых оттенков, в магазинах изобилие продуктов, москвичи забывали годы карточной системы. Пятилетки давали ощутимый результат.

Передо мной дорога, дальняя дорога. Сначала Москва — Ташкент, затем Иркештам — Кашгар. Но был и второй путь: Москва — Алма-Ата, затем Кульджа — Урумчи — Карашар — Аксу — Кашгар — Яркенд — Хотан. Цель моя — город Хотан в Синьцзяне. Я выбрал

второй путь, более длинный и трудный. Но этим путем я как бы с черного хода входил в страну своего назначения, имел возможность, хотя бы внешне, бегло, ознакомиться со страной, с ее природой, ее городами, с сельскими районами, жителями отдаленных и глухих селений.

В дни нынешних скоростей, современной транспортной техники такое путешествие не представляет каких-либо трудностей. Реактивные самолеты доставят вас за несколько часов из Москвы в Алма-Ату, еще несколько минут — и вы уже в Кульджи. А там, где нужно ехать автомобилем, да еще по бездорожью, незаменимы современные вездеходы. Им не страшны ни пески, ни болота, ни снега.

До Алма-Аты мы добирались поездом и только путь Кульджа — Урумчи проделали самолетом. Со мной жена и дочь.

Кульджа — первый город на чужой земле.

Что изменилось?

Между областями юго-восточного Казахстана и северными районами Синьцзяна нет внешней разницы. Все те же горные хребты, долины оазисов по берегам горных речек, пески и ковыльные степи. Природа все та же, лишь в архитектурном облике города новые, незнакомые мне черты. Разящие контрасты нищеты и роскоши. Одни живут в лачугах, в землянках, другие — во дворцах причудливой архитектуры. На улицах рикши, много нищих и роскошные автомобили.

Архитектура несет на себе черты иной духовной жизни, иных национальных традиций: смесь Средней Азии с Китаем. Много пагод с прихотливо изогнутыми крышами, с ажурной строчкой строительных контуров. Вместе с тем Кульджа не был в полном смысле и китайским городом.

Синьцзян, в общем-то, окраина Китая. Здесь на огромной площади сосредоточено всего-навсего около 1% населения страны. Издавна в этих местах было безлюдье, пески наступали на горы, горы наступали на пески...

Кульджа возник в конце восемнадцатого столетия вокруг ламаистского монастыря как сторожевой форт. Китайская колония была здесь малочисленна, и китайцы не могли полностью привнести свою духовную культуру. Пестрый город. Пока только признаки Китая, но не Ки-

тай. Вообще в Синьцзяне китайцы как нация не пустили глубоких корней. Но об этом позже. Пока только цифры. В Синьцзяне численность населения достигала всего лишь 5 млн. человек, 75% которых составляли уйгуры. Следующая по численности национальность — казахи. Много дунган, киргизов, монголов, сабинцев, таджиков, узбеков, татар, маньчжуров, дауров... Китайцы составляли всего лишь 5% населения провинции. И, несмотря на то что китайская культура усердно насаждалась правительственными чиновниками во всех областях жизни, она все же не могла пересилить влияния среднеазиатской культуры.

Это я заметил не только в Кульдже.

Самолет через три часа полета, опять вдоль хребтов, доставил нас в Урумчи — административный центр Синьцзяна. Казалось бы, здесь, как нигде, должно сосредоточиться то характерно китайское, что должно определить национальное лицо столицы провинции.

Город стоит на месте старой китайской крепости Дихуа, построенной на завоеванной земле. В середине восемнадцатого столетия китайские завоеватели вырезали в этих краях миллион жителей и воздвигли крепость...

В центре города редкие, в новом стиле, без какого-либо влияния китайской архитектуры, дома, извилистые улочки, крутые подъемы, попадаются одноэтажные здания с загнутыми, как у пагод, крышами. На окраинах города жмутся друг к другу глинобитные хижины, убогие и недолговечные, в особенности из-за дождливого и ветреного климата этих мест. Стены их беспрестанно приходится подновлять, подновленные места выделяются цветными пятнами на фоне старой штукатурки. Этот район города производит впечатление неопрятности и нищеты.

Можно было бы удивиться, почему именно этот город стал резиденцией правителей значительной по своей территории части Китая, если бы не его месторасположение. Из Урумчи тянутся естественные дороги сквозь хребты Тянь-Шаня к русским границам. Через Урумчи идут старинные караванные пути к верховьям Хуанхэ, оттуда — к Янцзы и чуть севернее — к Пекину. Здесь же пересекаются пути из Монголии и Маньчжурии.

Китайский город, но с едва-едва заметными приметами Китая. Это очень важная деталь для исследователя

политической жизни края. Несмотря на китайское влияние, здесь живы национальные традиции местного населения и переселенцев с севера — из Казахстана, Туркмении и Таджикистана.

Итак, Урумчи. Здесь я должен был начать свои официальные представления.

Мне объявили, что со мной встретится дубань. Дубань — это глава провинции, по старым понятиям царской России — генерал-губернатор. Это полномочный представитель центрального правительства Чан Кай-ши, облеченный огромной властью. Ему подчинены председатель провинциального правительства и правительственные департаменты промышленности, земледелия, животноводства, финансов, просвещения, здравоохранения, внутренних дел, общественной безопасности, управление уполномоченного министерства иностранных дел, управления телеграфом, автотранспортом, высший суд и плановая комиссия. В руках дубаня сосредоточивалась и военная и гражданская власть. Ничто не мешало ему быть единовластным и неподсудным правителем.

Дубанем в то время был Шэн Ци-цай. Встреча с ним состоялась 25 мая.

Для меня это первая высокая дипломатическая встреча, некоторого рода экзамен моему умению оценить собеседника, разгадать его характер, выявить меру его искренности и, если возможно, установить его политические взгляды.

Шэн Ци-цай был сравнительно молодым человеком для столь высокого административного поста в консервативном чиновничьем мире китайской бюрократической олигархии. В то время ему было 45 лет. В этом возрасте такого рода посты достаются либо благодаря большим связям в правительственных сферах, либо в силу особых административных талантов и характера.

Возможно, что к этому назначению правительство Чан Кай-ши было вынуждено сложившейся в Синьцзяне обстановкой. В 1931 году в провинции вспыхнуло восстание против феодального режима и национального гнета. Лозунги восстания были крайне расплывчатыми и путаными. В Синьцзян по сговору с уйгурскими аристократами были введены войска ганьсуйского милитариста Ма Чжун-ина, являвшегося агентом японских империалистов. Некоторые националистические круги при поддерж-

ке Англии, воспользовавшись благоприятной обстановкой, потребовали создания в Синьцзяне «самостоятельного» государства «Восточный Туркестан», или «Уйгурстан».

При 5% китайского населения на первый взгляд этот лозунг мог показаться прогрессивным. Однако реальная обстановка говорила о другом. Этот лозунг родился в недрах английской разведки. «Уйгурстан» как самостоятельное государство не смог бы существовать. И промышленность, и сельское хозяйство в Синьцзяне были крайне отсталыми, «Уйгурстан» немедленно подпал бы под влияние иностранного капитала — английского и японского, что означало бы еще большее закабаление коренного населения этой провинции.

В апреле 1933 года был свергнут дубань Цзинь Шу-жэнь. Шэн Ци-цай, взяв власть в свои руки, подавил восстание и получил от центрального правительства звание дубаня. О нем говорили, что «он умеет не только наблюдать, но и создавать факты, если их нет налицо».

В мае 1940 года Шэн Ци-цай был предупредителен к советским людям. Он играл роль правителя нового типа, правителя «революционного гоминдана», словно бы Чан Кай-ши и не изменил делу революции. Дубань во время беседы старался блеснуть широтой своих взглядов, гуманностью, однако нельзя не упомянуть, что в это же время его войска жестоко расправлялись с восставшими казахскими крестьянами в Восточном Алтае...

Я имел возможность оценить прежде всего стиль китайского дипломата, не отошедшего от старых традиций китайского чиновничества. Китайский чиновник старой формации обязательно, прежде чем приступить к делу, подробнейшим образом, тщательно выспросит вас, зачем, с какой целью вы прибыли, в чем заключаются ваши полномочия. Это своего рода ритуал, ибо правитель провинции не мог не знать, откуда я прибыл, в чем состоят мои полномочия, какие цели ставит наша дипломатия.

Застывшая в своей форме традиция? Далеко не так. В стиле старой китайской дипломатии не столько слушать, что говорит партнер, сколько наблюдать его и пытаться прочесть его мысли, обнаружить несоответствие с произносимым в интонациях голоса.

Наверное, мои ответы успокоили дубаня, он повел разговор почти в доверительном тоне. Но не надо забы-

вать, что восточная мудрость учит скрывать свои истинные цели. А такой искушенный политический деятель, каким изображали мне дубаня до встречи с ним, никогда не раскрылся бы до конца без крайней нужды. К тому же он отлично знал, что разговор ведется с дипломатом, что каждое слово будет взвешено, изучено и найдет отражение в служебном отчете.

Доверительный тон и даже некоторая интимность должны были, видимо, по мысли нашего собеседника, внушить к его словам особое доверие. К чему бы было ему пугать нас неразрешимостью политических проблем Синьцзяна?

Он искусными мазками нарисовал картину переплетений очень разных интересов: и национальных, и религиозных, и внешнеполитических.

Шэн Ци-цай в своих рассуждениях исходил прежде всего из того факта, что Синьцзян — это, бесспорно, китайская территория, исторически сложившаяся провинция Китая, что интересы Китая в Синьцзяне жизненно важны. Поэтому все народные движения против китайской колонизации, даже прежнего императорского режима, рассматривались им как реакционные и инспирированные извне.

Обращаясь к событиям недавнего прошлого, Шэн Ци-цай подчеркивал совпадение своих взглядов в некоторых вопросах с интересами советской внешней политики, с заинтересованностью Советского Союза в спокойствии на его юго-восточных границах. Нисколько не выступая за рамки официального истолкования центральным китайским правительством событий, связанных с восстанием в Синьцзяне в 1931—1934 годах, он углубился в некоторые подробности и дал характеристику деятельности Цзинь Шу-жэня, своего предшественника на посту дубаня. Он критиковал Цзинь Шу-жэня за пренебрежительное и высокомерное отношение к уйгурам и к другим некитайским национальностям и, прямо не обвиняя его в соучастии в заговоре английской и японской разведок, дал понять, что его националистическая политика в значительной степени облегчила деятельность враждебных сил.

Шэн Ци-цай жаловался на влияние и распространение панисламистских идей среди мусульманского населения, как бы подчеркивая, что панисламизм, как течение

идейное, не имеет границ, что он легко может перекинуться и в советские среднеазиатские республики.

Восстание было подавлено в 1934 году, китайские войска в зародыше ликвидировали возможность создания «Уйгурстана», но еще долгое время администрация не владела контролем над всей провинцией. До 1937 года провинцию сотрясали вспышки восстаний. Так, в Хотане, городе моего назначения, долго сопротивлялся распространению власти провинциального правительства сепаратист, генерал Ма Ху-шан, стоявший во главе 36-й дивизии; в Кашгаре правил командир 6-й Уйгурской дивизии Мамут; в Хами действовали вооруженные отряды Юлбарса. Английские и японские империалисты очень неохотно убирали свои щупальца из Синьцзяна.

С чисто китайской вежливостью дубань подчеркнул, что только бескорыстная и искренняя помощь Советского Союза помогла центральному китайскому правительству оградить Синьцзян от империалистических происков.

Задачи, которые возлагались на советских людей в Синьцзяне, формулировались довольно просто: укреплять и развивать дружественные отношения между советским и китайским народами на основе заключенных между СССР и Китаем договоров, оказывать максимальную помощь китайскому народу в его борьбе против японской агрессии.

В своем отчете я мог записать многообещающие слова дубаня: «У китайских и советских работников общая задача — борьба с мировым империализмом и с японским милитаризмом».

О том, как все это потом трансформировалось, разговор пойдет дальше. Но тогда, в памятном 1940 году, слова дубаня, как мы могли удостовериться, не расходились с его делами.

Начиная с 1934 года в Синьцзяне было кое-что сделано для создания реальных условий равноправия всех национальностей провинции. Представители различных национальностей получили право наряду с китайцами занимать должности в учреждениях центра и округов, включая полицию. В 1940 году почти половину уездных начальников составляли уйгуры. Купцы — уйгуры, казахи, татары, монголы и др. получили равные права торговли с китайцами. Были организованы школы для детей всех национальностей, создавались национальные театры.

Шэн Ци-цай приложил немало усилий, чтобы нормализовать и даже расширить торговые, политические и культурные связи с Советским Союзом.

Недра провинции Синьцзян богаты полезными ископаемыми: нефтью, каменным углем, редкими и драгоценными металлами, имеются месторождения руд железа, меди и др. Однако в середине тридцатых годов промышленность в Синьцзяне почти полностью отсутствовала, распространение получили только кустарные ремесла — ковровое производство, обработка нефрита, дерева, кожи, появились маленькие ткацкие фабрики.

В тридцатых годах с экономической и технической помощью Советского Союза в Синьцзяне были построены несколько промышленных предприятий современного типа, работающих на местном сырье.

Мое пребывание в Урумчи было недолгим, но очень полезным. Синьцзян постепенно переставал быть для меня абстракцией, мои представления о нем начали приобретать конкретные очертания.

Далее мой путь лежал в Хотан. В Хотан можно было лететь, но ради лучшего знакомства со страной я предпочел наземный транспорт.

Выбрали автомобильный маршрут, обещавший быть интересным: Урумчи — Карашар (горными дорогами — 420 километров), Карашар — Аксу (опять же вдоль гор и через хребты — 655 километров), Аксу — Кашгар (520 километров), а там, как мне говорили, начинается район оазисов, благословенный край (еще 550 километров). Более 2 тыс. километров по караванному пути, не очень приспособленному для автомобиля! Но жалеть о том, что мы отказались от самолета, не пришлось.

Нам выделили легковую машину и грузовик. На одной машине отправляться в путь было бы легкомыслием. Мы взяли с собой запас воды, горючее, масло, инструменты, запасные части к машинам, словом, целую походную автомастерскую. На столь огромных перегонах можно было днями не встретить ни души. Не пропадать же в пустыне!

Горная дорога трудна даже с асфальтовым покрытием, здесь же под колесами был укатанный арбами, утоптанный конскими и верблюжьими копытами караванный путь. Перевал за перевалом, по песчаным заносам, через мелкие, но быстрые горные речушки. «Не дай бог

в горах пройдут дожди, — говорили нам проводники. — Разольются реки, тогда беда!».

Беда не заставила долго ждать. Разлилась река Музарт. Когда мы подъехали, разлив уже схлынул, но моста через реку не было: его сорвало напором воды. Осталась только каменная плотина. С нее, ревя и пенясь, падала вода, моросила мелкой холодной пылью.

Чуть дальше плотины, ниже по течению,— брод. Дно каменистое, но на выходах пески. Переправа не из легких, без посторонней помощи просто невозможна. Даже если снять вентиляторные ремни, вода все равно поднимется выше моторов, зальет свечи и трамблеры.

Однако на любой переправе всегда можно встретить других путешественников. Навстречу нам по дороге двигалась группа уйгур на лошадях. Они вызвались нам помочь.

В автомобили впрягли по десять лошадей. Двинулись. Машины медленно, почти боком погружались в воду. На стрежне вода захлестнула моторы, лошади встали. Уйгуры подбадривали их криками, стегали кнутами. Легковую машину все же вытянули. А для грузовой десятка лошадей было маловато. Впрягли освободившихся лошадей, и вот двадцать лошадей тянут машину. Раздевшись и войдя по пояс в ледяную воду, уйгуры помогают им. Общими усилиями выволокли на берег и грузовик.

Через нашего переводчика я поблагодарил старшего уйгура и спросил, сколько нужно заплатить за помощь. Уйгуры наотрез отказались от денежного вознаграждения. Переводчик перевел его ответ. Этот простой и, наверное, неграмотный человек говорил, что «уйгуры — верный народ, что не в их обычае бросать человека в беде», затем добавил, что они, уйгуры, «знают, какую помощь им оказывают люди из СССР, они никогда не возьмут у русских людей деньги».

Я не сразу поверил переводчику. Откуда бы знать уйгурским полукочевникам о помощи Советского Союза?

Старик-уйгур объяснил мне все. Китайские чиновники никогда не согласились бы, чтобы уйгуры получили такие же права, как и китайцы. Был император, теперь Чан Кай-ши. Ничего не изменилось. Но все знают, что на севере, по ту сторону границы, за горами живут казахи и уйгуры. В СССР они пользуются всеми правами.

Если и здесь не дать уйгурам прав, они будут воевать за них. «Вы можете,— говорил мне уйгур,— никак нам не помогать, но одно то, что вы есть, нам уже помощь!».

Мы обменялись с этими милыми людьми сувенирами.

Между тем стемнело, и надо было устраиваться на ночлег. Мы двинулись к ближайшему селению. Уйгуры уехали вперед оповестить, что в деревне остановятся на ночь советские люди.

Иноземным путешественникам совсем не обязательно знать все тонкости местных обычаев, но нам все же хотелось отблагодарить своих помощников крайней предупредительностью. Переводчик рассказал нам, как надо себя держать, заходя в дом к уйгуру. Постучали в ворота крайнего дома. Залаяли собаки, хозяин распахнул ворота. Поднявшись на ступеньки крылечка, я снял сапоги. Переводчик сделал то же самое.

Лицо у хозяина дома оставалось бесстрастным, но по глазам его я заметил, что он понял значение нашего жеста и оценил его по достоинству. Уйгур очень гибок в общении с людьми. Есть даже пословица: «с голубем уйгур разговаривает по-голубиному, с волком — по-волчьи». Бесконечная борьба за право жить на своей земле воспитала в уйгуре обостренное чувство собственного достоинства.

Мы вошли в дом. Нас усадили на циновки. Я уже знал, что разговор надо начинать издалека, ни в коем случае не касаясь дела, волнующего нас. Уйгур считает, что если с ним начнешь говорить о деле, то этим нанесешь ему оскорбление. Умный человек должен догадываться, зачем ты к нему пришел, и без слов. Нельзя спрашивать уйгура и о здоровье его жены.

Разговор шел о нейтральных вещах. Между прочим, я выразил благодарность его соплеменникам. Через некоторое время хозяин сам распорядился загнать машины к себе во двор, а дом свой отдал под ночлег.

Было бы в высшей степени оскорбительно для гостеприимного хозяина выставлять на ночь охрану. Однако место глухое, я не мог рисковать служебными документами, которые были при мне. Пришлось взять охрану нашей группы на себя. Я вышел на крыльцо и сел на глинобитную скамейку. Хозяин вынес циновку и подстелил, чтобы мне не было холодно. Я не знал уйгурского языка, он не знал русского. Мы молчали. Но, наверное,

и молчание может быть многозначительным... Мы люди, и это главное, и нет между нами никаких противоречий, которые могли бы разбросать нас в разные стороны во враждебные лагеря, если не вмешается злая воля...

Совсем иначе в многонациональном и разноликом Синьцзяне нас встретили дунгане.

Мы встретились с ними в городке Бай. Городок... По нашим представлениям, это скорее большое село, поселок, но никак не город. Грязь на немощеных улицах, глинобитные хижины, грубые, с маленькими темными оконцами. Базар. В моем представлении восточный базар был красочным, сверкающим, полным изобилия... А здесь грязь, миллиарды мух, тяжелый запах испорченного мяса. Открыты харчевни, где в тучах пыли варят плов и другие блюда. Наши машины окружили дикого вида люди, в грязных и пыльных одеждах нищих. Они на своем языке отпускали в наш адрес какие-то шутки и тут же громко и грубо смеялись. Здесь не разбирались, кто мы, для них мы были иностранцами, чужаками. Я попросил переводчика разъяснить, что мы советские люди, что мы их северные соседи, что мы из СССР. Однако это ничего не изменило. Я попросил спросить, знают ли они, что такое Советский Союз? Оказывается, не знали. Не слыхали и имени Ленина и даже не знали, с какими государствами граничит их страна. Мы для них были ненавистными белыми и столь же ненавистными господами на машинах.

Нет, это были не дикари. Дикари встречают пришельца с уважением. А эти люди и не прикоснулись к культуре. За столетия китайские чиновники не уготовили им иного удела, кроме бесправия и нищеты.

Их дети не ходили в школу. Народ поражали тяжелые болезни, которые передавались из поколения в поколение: никто не оказывал им медицинской помощи. Народность вырождалась. Вот она — одна из проблем Синьцзяна, о которой говорил дубань. Ее можно было бы разрешить, приобщив дунган к культуре, но кому-то было выгодно, чтобы эти жители предгорных пустынь постоянно пребывали в страхе и ненависти, чтобы не проникал к ним луч света и знаний...

Еще 175 километров пути, и опять контрасты. Аксу. Очаровательный городок. Легкие и ажурные фанзы, строения из бамбука китайского стиля. Граница гор и

пустынь. К северу и востоку от него тянется стена отвесных утесов высотой в 10—15 метров. На горном плато песчаная пустыня. А ниже городка раскинулась бескрайняя равнина плодородных земель Синьцзяна.

Мы въезжали на земли, где люди селились в самые древние времена, перед нами лежала прекрасная, как сказка, равнинная Кашгария.

Здесь исстари трудились земледельцы. Оросительные каналы поят благодатную землю, и она сторицею воздает богатейшими дарами. Здесь собирают чудесные редчайшие сорта винограда, которые, к сожалению, нетранспортабельны, настолько они нежны. Много ягод, сочных груш, ананасов. Здесь базар — действительно восточный базар, краса и радость.

Когда говорят о сельском хозяйстве Синьцзяна, то прежде всего мне вспоминается Кашгария. Если в северных районах природные условия позволяют заниматься только животноводством, то здесь сосредоточены основные пахотные земли.

В те годы площадь обрабатываемой земли в Синьцзяне достигала уже 1700 тыс. гектаров, из них под зерновыми — 1200 тыс. На остальных землях культивировались масличные растения. Разбивались сады, огороды, возделывался хлопчатник. К концу тридцатых годов наметился значительный рост хлопководства, что позволило провинциальным властям поощрять национальную текстильную промышленность.

Кашгария славится своими садовыми и огородными культурами. Отсюда даже в Центральный Китай идут некоторые сорта дынь, например «Бетек-ширин», столь тонкокожая, что, созрев, пропускает сквозь кожуру сок, и он сверкает янтарными каплями, как золотистая роса.

В тридцатых годах из Советского Союза в Кашгарию завозились лучшие сорта грены. Обновленные породы шелкопрядов дали возможность широко развивать шелководство.

Кашгария — наиболее населенный район Синьцзяна. На ее долю приходится более 2 млн. человек, почти половина всего населения.

Город Кашгар упоминается в китайских источниках двухтысячелетней давности. Но исторические эпохи не оставили следов. Может быть, это объясняется тем, что и здесь, в Кашгарии, издавна возводились крайне непроч-

ные и недолговечные глинобитные постройки. Дожди, ветер и солнце развеяли следы древних поселений.

Колонизаторская политика китайских правителей подчеркивается структурой города. Старый город — уйгурский город. Узкие и кривые улочки, осевшие в землю глинобитные хижины. В 14 километрах от старого города — новый Кашгар, китайский город. В его кварталах до недавнего времени могли селиться только китайцы. Новый город носит черты и национальной китайской архитектуры, и современной европейской планировки.

В то время в Кашгарии работало много советских специалистов. Строители помогали строить жилые дома и административные здания, сооружали текстильные предприятия.

В Кашгаре находилась резиденция окружного губернатора Чэн Фэн-бэя. Здесь же и советское генеральное консульство. Нашим консулом в то время был И. В. Самыловский. Его отличали простота, сердечность, постоянная живая связь с членами советской колонии. В его кабинете всегда ключом била жизнь.

Генконсул уделил большое внимание и моему приезду. До поздней ночи засиживались мы в его кабинете или находились в поездках по советским организациям. Он много рассказал мне о жизни китайского и уйгурского населения, об отдельных нюансах советско-китайских взаимоотношений.

В Кашгаре мы провели пять дней, но и за это короткое время у нас было много дружеских встреч и бесед с китайскими работниками.

На второй день пребывания в Кашгаре генеральный консул представил меня губернатору Кашгарского округа Чэн Фэн-бэю.

Прием был в китайском стиле, в смысле соблюдения ритуала, но стол был европейским. У подъезда резиденции губернатора, сияя улыбками, нас встретили его порученцы и провели в благоухающий сад. Редкостные сорта фруктовых деревьев, клумбы с яркими, необыкновенными цветами.

Губернатор и его приближенные встретили нас с искусно разыгранной радостью. Их приветливость заметно отдавала фальшью. Казалось, это гостеприимство было вынужденным, нас встречали по неприятной обязанности, от которой почли бы за счастье избавиться.

Губернатор не скупился на восторженные слова о советской помощи, заверял нас в том, что китайский народ видит в лице советского народа самого близкого, самого искреннего, самого бескорыстного друга, перечислял дружественные акты Советского Союза по отношению к Китаю. Он упомянул о том, что Советский Союз отказался от всех неравноправных договоров царской России, отметил большую помощь советских специалистов в становлении отсталой промышленности Синьцзяна и Центрального Китая.

После приема у губернатора состоялся ряд встреч с менее высокопоставленными китайскими чиновниками. К нам относились в высшей степени предупредительно, рассыпались в приторных любезностях, и надо признать, что вопросы, которые мы ставили с Самыловским перед губернаторской канцелярией, разрешались быстро. Я уезжал из Кашгара полный надежд на плодотворную работу. Правда, несколько смущала чрезмерная любезность, но с этим можно было мириться, таков, я полагал, стиль восточного чиновничества.

Та же история повторилась и в Яркенде, следующем за Кашгаром городе на нашем пути. Прием у губернатора, торжественные речи, здравицы за дружбу китайского и советского народов...

Здесь народ знал о Советской России, очень интересовался жизнью советских людей, уважал советских специалистов. Мы остановились однажды у переправы через речку, неподалеку от крестьянского селения. Переводчик пошел купить на дорогу фруктов и сказал местным жителям, что мы из Советской России. К переправе собралась вся деревня. Особое любопытство проявляли женщины. Они окружили мою жену и дочь. Уйгуркам очень хотелось поговорить с советскими людьми. Им было любопытно потрогать платье у моей жены, коснуться ее руки, удостовериться, что советские люди точно такие же люди, как и они.

Уйгуры не захотели брать деньги за фрукты. Они привезли полную арбу арбузов, дынь, золотистых яблок. В ответ мы дарили конфеты. Оказалось, что в этом селении не знают, что такое конфеты. Но подарок был скоро оценен и особенно понравился женщинам.

Нам помогли переправиться через реку, а конники проводили нас по дороге до следующего селения, пере-

дав из рук в руки своим соседям. И опять пришлось остановиться, рассказывать крестьянам о Советской стране, о помощи, которую оказывает Китаю Советский Союз, о советских людях, о Ленине.

Наша поездка легко могла превратиться в пропагандистскую, но этого надо было избегать, чтобы не вышло политических осложнений. Дипломатическим представителям нельзя заниматься пропагандистской деятельностью.

Дороги здесь были несколько лучше, чем на севере. Мы ехали без остановок. И вот мы в Хотанской долине.

Нетрудно было заметить контрасты в пейзажах на юге Синьцзяна. Сначала горы чередовались с равниной, но очертания гор и холмов по мере приближения к Хотану становились все мягче и плавнее, вокруг озера, зелень. Солнечный край. Здесь не менее трехсот дней в году светит солнце.

26 июня 1940 г. мы въехали в Хотан.

26 дней пути. Малые скорости и огромные расстояния. Позже, когда была построена шоссейная дорога, мы тот же путь проделали за 5 дней...

Хотан расположен в южной части Синьцзяна, на реке Юрункаш у северных отрогов Куньлуня. Здесь перекрещивались старинные караванные пути Средней Азии и Китая, плодородные долины рек были удобны для расселения. В Хотане сохранились остатки древних памятников.

Город лежит на равнине. Сначала вы попадаете в новый китайский город, распланированный в форме квадрата. Он обнесен высокой и мощной стеной. В стену в чисто китайском стиле встроены фанзы, жилища чиновников, казармы, склады. Стена отделяет новый город от старого. В старый город въезжают через ворота.

В городе три цитадели, или, если переводить точнее, три кремля. В одном из них — военное окружное управление, в двух — торговые и гражданские учреждения.

Хотан — город кустарной промышленности. Он славился изделиями из яшмы, шелка, коврами и изделиями из нефрита. К 1940 году появились и современные промышленные сооружения. С помощью советских специалистов в 1939—1942 годах были построены электростанции, шелкомотальная и ковровые фабрики, несколько больниц, дома культуры.

Базарная улица — самая многолюдная. На протяжении двух километров тянутся ряды бесчисленных лавочек, магазинчиков, торговых палаток. Это или специальные строения, или лавочки прямо на дому: разбираются на время торговли стены дома — и перед вами прилавок. Или вот парикмахер прямо на улице бреет свою очередную жертву тупой и нечистой бритвой. Горячей воды нет, и вообще вода не меняется, используется один и тот же сосуд на несколько клиентов. А вот над самым тротуаром мясник обдирает барана, целая стая собак стережет минуту, когда можно устроить пиршество из отбросов. Мириады мух вьются над освежеванной тушей. На улице и печи, где готовится по заказу то или иное блюдо, в основном шашлыки. И ни малейшего представления о гигиене. Пыльная улица, тысячи ног поднимают пыль, пыль садится на сковороду и служит, видимо, «гарниром» к жареному куску мяса. Толпы детей. Эта базарная, торговая улица для них и место развлечений, и школа, где познается жизнь.

Жилище обычной хотанской семьи среднего достатка — это одна или две комнаты. В окнах натянута тонкая, едва просвечивающая бумага. Свет в комнатах матовый и слабый. Обстановку составляют стол, несколько табуреток, шкафчик для посуды. На стенах китайские миниатюры.

В зажиточной семье можно встретить зеркала в рамках, деревянные кровати, медные тазы советского производства, подносы, разукрашенные цветами, даже колоритные китайские вазы и фарфоровые статуэтки.

Хотан — окраинный город, богатые и состоятельные китайцы не селились в нем. Места были неспокойные, еще кипели в стране неутихшие страсти недавних антикитайских волнений...

Итак, путешествие закончилось. Начиналась моя повседневная работа.

По установленным обычаям начинать приходилось с приема у губернатора округа.

В то время губернатором Хотанского округа был Пан Дун. Мои товарищи по работе рекомендовали мне ориентироваться на этого человека, известного в качестве горячего сторонника сближения Китая с Советским Союзом. Мое мнение о нем сложилось не сразу, но теперь, оглядываясь на прошлое, считаю своей обязанностью

сказать о Пан Дуне доброе слово. Это был высокопоставленный китайский чиновник, но чиновник новой формации, скорее даже не чиновник, а политический деятель, занимающий чиновничий пост. Он всегда оставался самим собой, простым, мудрым и обаятельным человеком.

Его биография — это биография человека революционной эпохи. Пан Дун был сыном китайского крестьянина. Я не прибавляю при этом обязательного для китайского крестьянина прилагательного «бедного». Богатый крестьянин для Китая большая редкость. Вообще-то не главное — из бедной крестьянской семьи Пан Дун или из зажиточной. Крестьянское сословие было одинаково бесправно во всех своих социальных прослойках.

Деревней, где родился и жил Пан Дун, проходили части китайской Красной Армии. Пан Дуну тогда было двадцать лет. Он не имел никакого представления о политической борьбе, а тем более о программе Коммунистической партии Китая, тогда еще только организовавшейся. Коммунисты собрали на главной деревенской улице крестьян и молодежь. Они рассказали о героической борьбе русского народа против помещиков и капиталистов, о завоеваниях Октябрьской революции, о том, как большевики решили земельный вопрос в России, передав крестьянам землю.

Крестьяне охотно откликнулись на призыв к борьбе. Пан Дун, как и многие его сверстники, вступил в ряды Красной Армии. Старшие товарищи, китайские коммунисты, помогли ему овладеть грамотой, он научился читать и писать, вырос в активного командира Красной Армии, стал коммунистом.

В быту Пан Дун был непритязательным человеком. Он встретил нас, советских представителей, явившихся к нему с официальным визитом, в своем обычном френче военного покроя, без каких-либо знаков отличия. Это была не ложная скромность, не поза человека, подыгрывающего народу, скрывающего за внешней простотой лицо мелкого провинциального царька. Его простота и скромность были органичными. Когда мы в разговоре отметили его заслуги в становлении нового Китая, Пан Дун перебил нас, подчеркнув, что он один, без помощи народа, ничего не смог бы сделать, что он рядовой боец, рядовой солдат Коммунистической партии и только. Он был совершенно чужд болезни «вождизма», которая по-

разила в наши дни многих деятелей Китайской Народной Республики.

В разговоре с ним не ощущалось, что у этого политического деятеля есть второй, скрытый план. Пан Дун был искренним человеком. Было очевидно, что слова, которые он произносит, отвечают его убеждениям, что он не ведет дипломатической игры.

Пан Дун никогда не бывал в Советском Союзе, но чувствовалось, что он хорошо знал историю нашей страны, историю революционного движения в России, что он читал произведения В. И. Ленина. Пан Дун в первую же нашу встречу сказал: «Китайский народ никогда не забудет бескорыстной помощи, оказанной ему Советским Союзом в годы труднейшей борьбы с нашей внутренней реакцией и с японскими милитаристами».

Пан Дун особо подчеркивал, что Советский Союз оказывал помощь революционному Китаю, отрывая от себя последнее, сам еще нуждаясь во многих материалах, которые поставлялись в Китай. Он высмеивал распространявшиеся в те годы измышления капиталистических пропагандистов о якобы начавшейся искусственной советизации Китая. «В Китае,— говорил Пан Дун,— как ни в какой другой стране, невозможен экспорт революции.

Революционное сознание должно стать достоянием масс, и только тогда революция в Китае примет активный характер, а начавшись, она обязательно окончится победой».

В своем официальном заявлении Пан Дун подчеркнул, что с его стороны будет оказана самая широкая помощь советским специалистам в Китае, что он будет всячески содействовать и поощрять культурный обмен между Советским Союзом и Китаем.

После долгой и доверительной беседы нас пригласили на торжественную часть приема.

На этом приеме Пан Дун предстал передо мной несколько в ином свете, и обаяние его личности могло бы померкнуть, если бы мне не разъяснили некоторых сторон чиновничьих традиций в Китае.

Я не должен был забывать, что Пан Дун жил и работал в окружении людей, взгляды которых далеко не совпадали с его взглядами, воспитание которых резко отличалось от воспитания, которое получил коммунистиче-

ский губернатор. В окружном управлении еще работали чиновники старого режима, работали сторонники Чан Кай-ши, люди, оторванные от интересов народа. Только так понимался стиль торжественного приема, роскошного, стоящего больших денег...

Я подъехал к дому губернатора на машине. Охрана пропустила машину сквозь двое ворот, а у третьих ворот машина остановилась. Меня встретил Пан Дун в окружении большой пестрой свиты...

Но прежде, чем о свите, несколько слов об охране.

Дом губернатора охранялся, как крепость, как дворец императора. У внешних ворот стояли пулеметы, солдаты были вооружены новейшим, совершенным оружием.

Можно было подумать, что губернатору угрожает опасность нападения на его резиденцию. Но мне объяснили, что столь внушительная и даже импозантная охрана выставляется совсем не из-за опасений покушения, а для солидности и представительства.

Апологеты этого стиля утверждали, что помпезность необходима для обрамления власти в Китае, иначе власть утратит свой авторитет в народных массах.

Китайское чиновничество восприняло помпезность в полной мере. Вот несколько тому примеров.

При встрече на улице двух чиновников младший выходил из коляски и совершал полный ритуал поклонов.

Чиновник высших рангов, делая официальный визит в консульство, входил в сопровождении нескольких адъютантов. Адъютанты держали в руках пистолеты и стояли во время приема за креслом своего начальника.

Когда, например, Шэн Ци-цай выезжал из своей резиденции на прием в иностранное представительство или совершал поездку за город, то все улицы по пути его следования перекрывались полицией и войсками. Его автомашина не соблюдала никаких правил уличного движения. Встречные должны были кланяться. Как правило, автомобиль сопровождал отряд вооруженных конников, так называемый эскорт.

Однажды мне пришлось быть свидетелем приезда дубаня в советское генеральное консульство в Урумчи. Перед его приездом на территории консульства и вокруг здания консульства были установлены пулеметы...

Пан Дун был вынужден подчиняться требованиям традиций китайского чиновничества. Он встретил меня

дружеским рукопожатием без всякой наигранности, зато приветствия чиновников, в особенности их поклоны, составили целую церемонию. Поклоны вовсе не выражали почтительности к моей персоне, они были церемониалом, холодным, надменным и по-китайски ироническим. «Мы вам кланяемся, но это отнюдь не из уважения, вежливость — это наша привилегия, это знак нашего превосходства»,— вот что означал этот церемониал.

После приветственных церемоний нас провели в столовую под открытым небом. Столы ломились от яств. Это был лукуллов пир, тем более разительный, что в стране царил полуголод.

Меня посадили рядом с губернатором и его супругой. За столом рассаживались в строгом соответствии с рангами.

Я наблюдал за всем, что происходит вокруг. Подсчитал я и количество блюд, поданных за обедом. Тридцать пять блюд! Перед каждым новым блюдом вставал какой-нибудь чиновник и произносил очередной тост. Тост произносился в выспренных выражениях, далеких от искренности. Все до одного провозглашали здравицы за советско-китайскую дружбу. О, эти чиновники! Они умели улавливать дух времени, умели прятать свое лицо, умели исполнять команду сверху, не раздумывая, не колеблясь, умели даже угадать команду.

После обеда был дан концерт, стиль которого сохранял общее направление: советско-китайская дружба. Были исполнены национальные песни, танцы, показаны несколько сценок на тему дружбы русских с китайцами. Опять же это творчество было далеким от искренности, декламация в литературных сценках заменяла чувства...

Революция в Китае была явно не завершена, она остановилась на полдороге. Оказалась совершенно нетронутой бюрократическая прослойка, более опасная, чем феодалы или капиталисты, ибо чиновничество привыкло к хамелеонству, к тщательнейшей маскировке.

Для китайского чиновничества тех лет были характерными «сохранение лица», взяточничество, робость перед высшими, хамство с низшими. Подчиненный, даже если он и был не согласен со своим начальником, никогда ему не противоречил. «Сохраняя лицо», начальник никогда не советовался с подчиненным, даже если был совершенно некомпетентен в деле, по которому принимал

решение. Ради «сохранения лица» покрывались не только административные ошибки и нелепые распоряжения, но даже казнокрадство и открытое воровство.

Столетиями китайское императорское чиновничество воспитывалось лихоимцами и бездельниками. Бездельничество они рассматривали как свою кастовую привилегию. Даже в те годы, о которых идет речь, многие чиновники соревновались в том, кто лучше увильнет от исполнения служебных обязанностей. Замкнувшись в свою касту, они совершенно не занимались государственными делами. К народу, не только к народу другой национальности, но и к китайцам, они относились крайне пренебрежительно, считая лишь себя элитой нации. Среди чиновников бытовала поговорка, возведенная ими в служебный принцип: «лучше семь тысяч раз отмерить и ничего не решить, чем один раз отрезать хоть один миллиметр благосостояния из километра интересов в пользу уйгурского населения».

Национальная гордость — великое качество, оно позволяет народу сохранить чувство достоинства в годины тяжелых испытаний. Но у китайских чиновников национальной гордости я не видел, а видел всего лишь доведенный до абсурда национализм. Все китайское, а это китайское было в основном лишь внешнее — это были традиции этикета и бюрократизма, они превозносили как цивилизацию, а все остальное, в том числе и европейскую культуру, объявляли варварством. Чванливость невежества, воинствующего невежества, возведенного в целую философскую систему. Вот уж в чем действительно соблюдались древние традиции, притом самой седой древности, восходящей к философским выкладкам Лао-цзы!

Может быть, и не вся философская система Лао-цзы легла в основу мировоззрения китайского чиновничьего сословия, но некоторые его положения, несомненно, оказали на нее свое воздействие.

«Все вещи на свете,— говорит Лао-цзы,— родились из бытия, само же бытие родилось из небытия». Это абстрактное философское движение Лао-цзы обозначает понятием «дао». «Дао» — движение из небытия в бытие, из бытия в небытие. Человек, освоивший «дао», может считаться человеком, превзошедшим всю земную мудрость. В чем же эта мудрость? Понятие «дао» есть понятие прежде всего отсутствия бытия. Особый, на китай-

ский лад, с чисто китайской схоластикой построенный идеализм.

Лао-цзы учил: «Тот, кто не заботится о том, чтобы жить, мудрее того, кто ценит жизнь»; «единственная вещь, которой я боюсь, — это быть деятельным».

Если идти дальше, то эта философия раскрывает необычные для европейских цивилизаций перспективы. Послушаем Лао-цзы.

«Человек, знающий «дао», не говорит; тот, кто говорит, не знает «дао». Человек, который знает «дао», замыкает свои уста, он закрывает уши и глаза, он подавляет свою деятельность, он отрешается от всех связей, он умеряет свой свет, он уподобляется идиотам: тогда можно сказать, что он похож на «дао»; он недоступен для милости и для немилости, для выгоды и для убытка, для чести и бесчестья, поэтому-то он и есть самый почетный человек во всей вселенной» [3].

«Мудрый и святой человек постоянно и всячески заботится о том, чтобы сделать народ вполне невежественным и лишенным желаний. Он старается, чтобы люди знающие не смели действовать, он ко всему прилагает бездействие, и тогда все управляется самым лучшим образом» [4].

Нетрудно понять, кому и каким целям могла служить эта философская система в далеком историческом прошлом, а подновленная на современный лад, она служила самым реакционным силам в Китае.

Я не склонен объяснять все беды Китая, его отсталость в промышленности и в сельском хозяйстве лишь колониальным владычеством. Во многом китайский народ обязан своей нищетой и невежеством философии бездействия, философии воинствующего невежества, которая, как это ни странно, уживалась в веках с большими культурными достижениями творческой мысли.

И центральные провинции Китая не являли блеска цивилизации, что же можно было увидеть в Синьцзяне, окраинной его части, с населением, на которое китайцы издавна смотрели свысока.

Мне в длительных служебных поездках по Хотанско-

---

[3] Цит. по В. С. Соловьев, Собрание сочинений, т. 6, стр. 119.
[4] Там же, стр. 121.

му округу довелось близко соприкоснуться с бытом и нравами местного населения.

Даже в 1940 году, фактически к середине двадцатого столетия, явившего миру необыкновенные достижения науки и культуры, в широкой среде уйгурского населения еще сохранялись черты патриархата.

Глава семьи пользовался непререкаемым авторитетом — это и властелин, и высший судья, и бог; жена — бесправное существо. Широко распространено многоженство; жен обычно селят в разных домах, иногда даже в разных городах.

Браки обычно заключаются, когда мужчине исполняется 16 лет, женщине — 14—15 лет.

У уйгуров не было обычая платить за невесту калым. Поэтому брак для мужчины был дешев, а развод — еще дешевле. Достаточно уйгуру заплатить судье, даже в отсутствие жены, два синьцзянских доллара, и брак будет тут же расторгнут. При этом женщина не имела права опротестовать судебное решение, она не имела права и на материальные претензии.

Среди беднейших слоев населения многоженство распространено в меньшей степени. Ведь муж имеет одну обязанность перед женами: он должен кормить их, а малых земельных наделов уйгурских крестьян не хватало на несколько ртов в семье.

Основное занятие уйгур в Хотанском округе — земледелие. Но, наверное, нигде не было столь несовершенных орудий производства, чем у местного населения. Мотыги, причем в большинстве случаев без металлических наконечников, лопаты, деревянные сохи, опять же без металлических сошников.

Большую часть урожая уйгур должен был отдавать помещику. И это положение длилось веками, веками, стало быть, уйгурский крестьянин отучался от работы, от трудовых навыков. Это легко объяснимо. Отдавая свой урожай без всякого вознаграждения налоговым чиновникам и помещику, уйгур утрачивал в труде материальный стимул, труд для него становился бессмысленной и тяжкой повинностью. Веками вырабатывалось у крестьян искусство отлынивать от труда. Можно было легко увидеть довольно неприглядную картину. Сидят кружком уйгуры, пускают дым из трубок и перемывают в сплетнях косточки своим односельчанам, а женщина с

тяпкой работает на маленьком клочке земли... Такое отношение к труду складывалось веками, и не десятилетиям было изменить его! Пренебрежение к народным интересам жестоко отплачивает за себя. Производительность труда в сельском хозяйстве даже в Китае Чан Кай-ши, рядившегося в тогу защитника народных интересов, была крайне низка, крестьянство едва-едва могло прокормить себя, не отдавая ничего или почти ничего государству.

Но двадцатый век стучался в ворота и этой древней пробуждающейся страны.

Укрепление и расширение торговых связей с Советским Союзом не могли не пробудить у народов Синьцзяна интереса к своему северному соседу. Сеть новых школ, построенных в Синьцзяне, расширяла представление о мире у народов, дотоле не знавших ни книг, ни радио, ни кино. При всей поддержке огромной и в общем-то могущественной чиновничьей прослойки Чан Кай-ши не мог построить свое государство по ранжиру, началась цепная неуправляемая реакция обмена идеями, проникновения культуры в те народные толщи, которые ранее служили опорой воинствующему невежеству. Затруднило выполнение задач китайской бюрократии и нападение японских милитаристов. Борьба за независимость, против иноземных захватчиков пробуждала народ, усиливая тягу к знаниям.

Мне по долгу службы пришлось провести почти месяц в одной из смешанных советско-китайских геологоразведочных групп. Я мог видеть, как тянутся китайские специалисты к знаниям, добросовестно изучают новые материалы.

Начальник группы Монин никогда не упускал возможности поделиться знаниями со своим китайским коллегой Хэ Цю-тао. Хэ Цю-тао вел записи своих бесед с советским геологом. Записи эти были наиподробнейшими. Хэ Цю-тао заявил мне, что он записал 631 совет Монина. Это за месяц-то совместной работы!

Сам Монин подивился такому количеству своих советов. Он попытался разобраться в записях Хэ Цю-тао. «Позвольте, — говорил он, — я делился опытом, но не читал же я здесь курс лекций...».

Перечитывая записи китайского геолога, он должен был признать, что в них отмечены все малейшие замеча-

ния, практические советы, а не только теоретические выкладки. Все это было тщательно систематизировано, словно действительно Монин читал университетский курс.

Мне приходилось знакомиться с записями лекций, которые вели китайские студенты на курсах повышения квалификации, где лекции читались советскими специалистами. Вспоминается мне конспект китайского гражданина Садыкова, который учился в Ташкентском медицинском институте. Он четко и подробно проконспектировал сложнейший курс восстановительной хирургии по разделу, который тогда еще находился в стадии разработки нашими учеными. В конспекте студента географического отделения Ван До я нашел стратиграфическую характеристику пород палеогеновой, неогеновой и четвертичной систем. По заключению специалистов-геологов, это был не просто пересказ материала лекций, в нем содержались и попытки самостоятельного научного анализа. И это при несовершенном знании русского языка!

Советский Союз гостеприимно распахнул двери своих высших учебных заведений народам Китая. К нам ехали учиться и китайцы, и уйгуры, и казахи, и киргизы, и туркмены. Возвращаясь на родину, они приносили известия о жизни в Советской стране, о разрешении в Советском Союзе национального вопроса.

Далеко не все китайские студенты разделяли идеи коммунизма, но, оставаясь на объективных позициях, они не могли и не хотели скрывать правды о нашей стране. Рука об руку с советскими специалистами они старались вывести свою страну из состояния невежества, безграмотности, в меру сил своих пытались осуществить техническую революцию в промышленности и сельском хозяйстве.

Мне удалось побывать на заводе сельскохозяйственных машин в Урумчи, построенном с помощью советских специалистов. Завод был оборудован советскими станками. Работа на них требовала подготовки квалифицированных специалистов. В Синьцзяне справились с этой задачей довольно быстро.

При осмотре завода меня сопровождал инженер Го Шу-дэ, окончивший высшее учебное заведение в Москве. «Наш завод, — говорил он, — построен всего лишь три

года назад при помощи Советского Союза. Приехавшие в Синьцзян советские специалисты помогли китайским рабочим освоить станки. Мы выпускаем машины по советским чертежам и моделям. Выпуск машин с китайской маркой — это большое событие в истории нашей страны».

В Синьцзяне нарождался свой рабочий класс, который умел постоять за свои интересы.

Рядом с промышленными предприятиями вырастали рабочие поселки, клубы, магазины, отступали грязные базары и рынки. В Синьцзян врывался новый быт. Строились кирпичные типовые здания, люди из глинобитных хижин перебирались в светлые квартиры. В квартирах — ванны, водопровод.

Китайские рабочие говорили мне, что они-то очень хорошо понимают, что все это пришло к ним из Советского Союза, что они с первых дней своей революции все время ощущают надежную поддержку друга.

С 1937 года китайский народ вел вооруженную борьбу с японскими милитаристами. Западные союзники Китая — правящие круги Англии, Франции и США — заняли позицию «невмешательства», что было дипломатическим стандартом тех лет для удушения революционных движений руками агрессивных фашистских режимов. Западные политики стравливали японский и китайский народы, рассчитывая прийти в тот час, когда и Япония, и Китай истекут кровью в многолетней и изнурительной борьбе, чтобы продиктовать свои условия «желтой расе».

Китайский народ мог видеть, что единственная страна — Советский Союз оставался верен договорам и не бросил в беде своего союзника.

Из Советского Союза в Китай шло вооружение. 17 июня 1938 г. Советское правительство потребовало от Японии прекращения воздушных налетов на китайские города и мирных граждан. Об этой акции Советского Союза знали самые широкие слои населения.

В своих поездках по стране я встречался с китайскими солдатами, участниками многодневных походов и сражений с японскими оккупантами. Они показывали мне дружественные, теплые письма, полученные от советских красноармейцев. В них рассказывалось о жизни Красной Армии, о боевых учениях, содержались слова ободрения и сочувствия, давались чисто военного харак-

тера советы. «Эти письма согревают нас и вселяют в нас бодрость», — сказал мне один из бойцов китайской армии.

В 1938 году Советский Союз предоставил Китаю кредиты на общую сумму 100 млн. долларов. В июне 1939 года Китай получил новый кредит на сумму в 150 млн. долларов. Советские беспроцентные кредиты имели решающее значение для перевооружения китайских армий. Особо большая помощь была оказана 8-й китайской армии.

Китайские газеты, контролировавшиеся чанкайшистами, не могли замолчать тот факт, что Китай в состоянии оказывать сопротивление японским милитаристам только благодаря помощи Советского Союза. В счет кредитов Советский Союз поставлял в Китай самолеты, танки, артиллерию, горючее, различные боеприпасы. В рядах китайских армий сражались советские военные специалисты.

Большое значение имело установление регулярного воздушного сообщения между Алма-Атой и Хами (Синьцзян). Весь Китай горячо приветствовал это событие. Через Алма-Ату, через воздушные трассы Советского Союза устанавливалась связь с Европой.

Эта воздушная трасса сыграла известную роль для связи европейской общественности с китайским театром военных действий. На европейском континенте развернулось движение прогрессивных сил. Европейская общественность поддержала лозунг, родившийся в Советском Союзе: «Руки прочь от Китая!».

Японские самолеты долгое время господствовали в воздухе. Но вот все чаще стали появляться сообщения об отбитых воздушных атаках, о сбитых японских самолетах. Мастерский почерк, которым сбивались прославленные японские асы, не мог никого обмануть. В Китае стало известно, что на стороне китайской армии сражаются советские летчики-добровольцы, что они обучают китайских летчиков мастерству воздушного боя.

Очевидцы рассказывали мне, какое торжество царило на аэродромах, когда туда прибывали на своих самолетах наши летчики.

Дружба китайского народа, дружба китайских тружеников с советскими людьми выковывалась в борьбе, в трудные для Китая годы, она скреплена кровью и со-

ветских летчиков-героев. Пали смертью храбрых известные советские военные летчики командир отряда тяжелых бомбардировщиков Кулишенко, командир отряда истребителей Рахманов. Китайские воины захоронили советских героев на китайской земле, их могилы служили поколению китайцев живым напоминанием подвига во имя свободы китайского народа.

Ничто, казалось, не омрачало развивающуюся, крепнущую дружбу советского и китайского народов. Слова признательности заглушали антисоветские выпады некоторых экстремистских кругов в Китае. Советский народ мог считать, что на Востоке у него если не союзник, то уж во всяком случае сосед, который в трудное время не подставит ножку.

1941 год. Буржуазная пресса предсказывает скорое нападение Германии на нашу страну. Однако мы в своей маленькой консульской колонии в Хотане не верили, что Гитлер решится на самоубийственный акт. Воевать с Россией, когда у него не закрыт фронт на Западе? На что он мог бы рассчитывать?

21 июня. Субботний вечер. Мы строили планы на воскресенье. Над Хотаном безоблачное голубое небо. Можно было бы выехать за город, в это время цветут горные луга.

22 июня. В 10 часов утра по дальневосточному времени меня позвали к телефону. Звонил губернатор Хотанского округа Пан Дун.

«Слышали?» — сказал он встревоженно и коротко.

Я удивился его лаконичности и отсутствию обычных в дипломатическом общении формул.

«О чем?» — спросил я.

«Вы разве ничего не знаете? Германия напала на вашу страну!».

Через несколько минут вся советская колония собралась в консульстве. Мы включили приемник. Со всех концов света поступали подтверждения сообщению Пан Дуна. Пришло официальное сообщение из Москвы. Стихийно возник митинг. Не все тогда еще с полной отчетливостью представляли себе, какое тяжкое испытание выпало на долю нашей Родины. И уж, конечно, никто не думал тогда, что война затянется почти на четыре года, что падут Минск, Киев, Одесса, Севастополь, что враг дойдет до ворот Москвы, что остановим мы его только

на берегу Волги, что победа будет достигнута нами ценой чрезмерного напряжения всех сил народных и будет стоить многих миллионов человеческих жизней.

Помочь Родине в столь отдаленном от нее уголке Азии мы могли лишь своей работой. Было принято решение отчислять от 30 до 50% зарплаты в фонд обороны. Нам оставалось ждать сообщений о ходе военных действий, в которых мы не могли принять участия.

События на советско-германском фронте приковали внимание китайской общественности.

В июле 1941 года консульство посетили Пан Дун и его супруга. Они передали в фонд помощи СССР свою месячную зарплату и две посылки для бойцов Красной Армии. Их пример нашел последователей. Нам стало известно, что откликнулся английский консул в Кашгаре Шептон. Он посетил генеральное консульство и вручил консулу 1 тыс. американских долларов в фонд помощи СССР.

Из Москвы поступали неутешительные известия. Гитлеровцы рвались в глубь страны. Горели города и села. Наши войска отступали.

В этой обстановке Китай мог оказать значительную поддержку нашей стране, активизировав действия на японо-китайском фронте. Тогда еще оставался неясным вопрос, как поступят японские милитаристы: выступят они в поддержку Германии против Советского Союза или займутся своими азиатскими интересами. Надежды на соблюдение договорных обязательств возлагать было нельзя, они могли отступить от них с той же легкостью, с какой это сделал Гитлер.

Коммунистическая партия Китая в то время выдвинула лозунг: «Защита Советского Союза — помощь Китаю; защита Китая — помощь Советскому Союзу!».

В моем архиве сохранились яньаньская газета «Цзефан жибао», чунцинская «Синьхуа жибао» и «Синьцзян жибао». На страницах этих газет ежедневно публиковались статьи, в которых выражалось сочувствие советскому народу, содержались призывы к поддержке Красной Армии. Рабочие, крестьяне, студенты, представители интеллигенции посылали письма в Советский Союз, заверяя советский народ в своей полной солидарности.

30 августа 1941 г. газета «Синьцзян жибао» опубликовала телеграмму дубаня, знакомого уже нам Шэн Ци-

цая, правительству СССР. В ней сообщалось о создании в Синьцзяне «Комитета помощи Красной Армии». «Весь китайский народ, — писал Шэн Ци-цай, — признателен советскому народу за его помощь, оказываемую в течение девяти лет. Только благодаря этой помощи китайский народ смог добиться огромных успехов в деле борьбы с японскими милитаристами и в деле мирного строительства. Об этом знает каждый китайский гражданин».

Шэн Ци-цай призывал китайский народ бороться с японскими империалистами, что должно было облегчить победу Советскому Союзу на западном фронте. «Комитет помощи Красной Армии» развернул активную деятельность по расширению связей с Советским Союзом. В 1941 году комитет собрал 1 млн. долларов и передал в фонд помощи СССР.

Передо мной газета «Цзефан жибао» от 2 ноября 1941 г. В передовой статье, озаглавленной «Усилим и расширим движение за оказание помощи Советскому Союзу в войне против Германии», говорится: «...Необходимо создавать широкий единый фронт помощи Советскому Союзу в его борьбе против фашизма, включая все страны, все нации, все классы, членов всех партий и группировок. Борьба против гитлеризма должна превалировать над всем, необходимо все подчинить оказанию помощи в борьбе с фашизмом; это должно стать непременной истиной для каждого. Необходимо бороться против всех заявлений и действий, благоприятных гитлеризму, и, наоборот, необходимо всеми силами делать работу, которая помогает Советскому Союзу в его освободительной войне; это также должно стать обязательным законом для всех...».

Для широких слоев китайского населения, для китайских рабочих, для китайской интеллигенции, для тех, кто вел борьбу за независимость нового Китая, китайский официоз всячески подчеркивал верность выбранному курсу. Однако внимательный наблюдатель уже мог заметить тревожные симптомы резкого изменения политики.

21 июля 1941 г. Китай разорвал дипломатические отношения с фашистской Германией. Фашистским дипломатам было предложено покинуть пределы Китая. Надо полагать, что проводы должны были быть скорыми и холодными. Однако нам стало известно, что доверенные

лица Чан Кай-ши дали фашистским дипломатам пышный прощальный банкет. Хозяевами банкета выступали Хэ Ин-цинь, Чжу Цзя-хуа, известные своими прогерманскими настроениями. О чем беседовали гости и хозяева на дружеском банкете? Кого и чьи интересы представляли его устроители?

Хэ Ин-цинь, например, утверждал в своей речи на банкете, что в этой войне победа достанется Германии и Японии, что Советский Союз потерпит поражение и силам социализма будет нанесен смертельный удар.

Маневр чанкайшистской дипломатии? Похоже, что так. Внешне — разрыв дипломатических отношений. Для себя же Чан Кай-ши оставлял свободу действий. На банкете успели договориться о некоторых перспективах, которые открылись бы после победы Германии. Так, некоторые данные свидетельствовали о том, что немецкая сторона дала обязательство, что, как только немецкая армия войдет в Среднюю Азию, Германия построит железную дорогу до провинции Ганьсу и поможет пронемецким кругам установить в Китае фашистский режим.

Обязательства никогда не бывают в таких случаях односторонними. От китайской стороны требовали прежде всего свертывания военных действий против японских войск, чтобы развязать Японии руки для нападения на Советский Союз. Чан Кай-ши вступал в двойную игру. Это подтверждали многие факты. Военные действия против японских захватчиков поспешно свертывались. Некоторые правящие круги в Англии и США поощряли Чан Кай-ши в этих начинаниях. Энтузиасты «крестового похода» против большевизма еще питали надежду, что страны «оси» единым фронтом выступят против Советского Союза.

Чан Кай-ши действовал очень осторожно, но с чисто китайской методичностью. 9 декабря 1941 г. последовало заявление официального чанкайшистского телеграфного агентства Сентрал Ньюс. Ссылаясь на мнение чунцинских кругов, оно указывало, что, по-видимому, настало самое благоприятное время для вторжения японских войск в Сибирь и Советское Приморье.

31 декабря 1941 г. вице-министр иностранных дел Фу Бин-чан заявил, что китайское правительство верит в неизбежность японо-советской войны и что оно заинтересовано в этой войне.

Однако надо отдать должное китайской общественности. Провокационные заявления и закулисные махинации китайских правителей не встретили одобрения в народных массах. По стране шли митинги солидарности с Советским Союзом. В Синьцзяне политическая игра центрального правительства первое время не имела никакого отзвука.

Помнится мне такой митинг и в Хотане. Он проходил в связи с первой годовщиной начала Великой Отечественной войны советского народа. Инициатором его созыва был Пан Дун.

В своем выступлении на митинге Пан Дун дал объективную оценку военным действиям на советско-германском фронте, подробно рассказал о разгроме гитлеровцев под Москвой. Его выступление было пронизано оптимизмом и верой в победу Советского Союза.

На митинге была принята приветственная телеграмма в адрес советского народа и его героической Красной Армии. Митинги, на которых говорилось о необходимости укрепления дружбы между народами Китая и Советского Союза, прокатились и по другим городам Хотанского округа.

Поворот в политике, наметившийся в кругах, близких Чан Кай-ши, еще не произошел на местах. Вплоть до середины 1942 года чиновники всех рангов ратовали за укрепление дружбы с Советским Союзом. Вот выписка из доклада Сун Дина, начальника штаба Хотанского округа: «...СССР помогал и продолжает помогать народам Китая в освободительной войне против японских милитаристов. Теперь, когда СССР подвергся вероломному нападению со стороны немецко-фашистских полчищ, когда советский народ ведет священную войну не только за свою Родину, но и за освобождение порабощенных Гитлером народов Европы, мы должны на деле еще больше укреплять дружбу и оказывать практическую помощь СССР».

В уездах, в кишлаках агитбригады из учителей проводили беседы о Советском Союзе, информировали население о ходе войны.

Однако уже с середины 1942 года и в Синьцзяне начался раскол в правящей верхушке. Волны антисоветизма покатились из Центрального Китая до окраинных районов. Четко обнаружились две тенденции: одна — к

продолжению дружественной политики по отношению к нашей стране, другая — к пропаганде пораженчества и озлобленной антисоветской клевете.

К этому же периоду относится и начало внутреннего перерождения Шэн Ци-цая, правителя провинции Синьцзян. В первый период своей деятельности он был довольно простым и доступным человеком, искренне пытавшимся разрешить трудности синьцзянской экономики, трезво оценивающим помощь Советского Союза. Очень скоро и его поразила болезнь «вождизма». Он окружил себя близкими родственниками, раздав им крупные государственные посты. Родственники дубаня, не жалея сил, прославляли своего благодетеля, объявив его государственным деятелем не только всекитайского масштаба, но и всемирным политическим деятелем, вождем нового течения в государственных переустройствах.

В Центральном Китае терпели увлечение «вождизмом». Это было выгодно Чан Кай-ши и его окружению. Выгодно прежде всего потому, что, встав на путь «вождизма», дубань волей-неволей скатывался со своих принципиальных позиций в отношении дружбы с Советским Союзом. Выгодно еще и потому, что дубань терял авторитет в народе и сам своими руками создавал возможность для расправы с ним.

Прежде всего усердствовал в прославлении дубаня его тесть Цю. Это был старый прожженный милитарист, бывший крупный помещик, который был готов пойти на любой сговор с Японией, лишь бы вернуть свои огромные поместья в Маньчжурии.

Ван Хун-цзао, свояк дубаня, отличавшийся коварством, жестокостью и ненавидевший народ, был назначен им на должность начальника штаба. Правда, он был осторожен, открыто не показывал своих антидемократических настроений, но действовал как лицемер и типичный восточный сатрап. Везде и всюду он публично распинался в любви к народу, провозглашая здравицы за дружбу с Советским Союзом, и в то же время именно он пролил больше всего крови прогрессивных деятелей в провинции Синьцзян, именно он больше всех сделал для разрыва с Советским Союзом.

Уже в 1942 году косвенно, через одного китайского корреспондента, до меня дошли сведения, что Ван Хун-цзао — сторонник победы Гитлера. В беседе с этим кор-

респондентом Ван Хун-цзао проговорился, что для Китая важнее победа Германии, ибо она подорвет коммунистическое движение, положит конец распространению коммунистических идей на территории Китая. Яснее не выскажешься!

Особую роль во всех дворцовых интригах, направленных на перемену политического курса в Синьцзяне, играла супруга дубаня мадам Цю. Она была достойной дочерью своего отца и видела цель своей жизни в переводе дубаня в лагерь реакции. Мадам Цю организовала при дворе личную разведку, содержала платных убийц, которые всегда могли убрать неугодного ей деятеля. Все делалось с той же долей лицемерия. Перед общественностью она первое время пыталась выставить себя прогрессивной, демократически настроенной деятельницей.

Замыкал эту «славную» четверку еще один свояк дубаня — Пын Цзю-юань. Он тоже жаждал капитуляции перед Японией и возвращения маньчжурских поместий.

Постепенно они подчинили своему влиянию Шэн Ци-цая, запугав его временными успехами гитлеровцев в Советском Союзе. Шэн Ци-цай начал менять ориентировку и заранее подготавливать почву для соглашения с японскими милитаристами, а через них и с «победоносной» Германией. Под незримым покровительством дубаня японские милитаристы расширили сеть своей агентуры в Синьцзяне. Агенты японской разведки, пропагандисты японского милитаризма наводнили провинцию. От игры в «вождизм» дубань перешел к открытому предательству своей родины.

Шэн Ци-цай незамедлительно нашел поддержку в центральном правительстве. В Синьцзян прибыл представитель МИД Китая У Цзэ-сян, наделенный особыми полномочиями. Это был юркий, коварный человек, настоящий царедворец императорского стиля. «Быстрота,— сказал он как-то одному советскому специалисту, — залог успеха..!». Вершил свои дела он действительно быстро и решительно. Он организовал приезд в Синьцзян (дважды) супруги Чан Кай-ши — Сунь Мэй-лин, которая тоже входила во вкус политической деятельности. У Цзэ-сян скрепил связи Шэн Ци-цая с Чан Кай-ши, добился единства их точек зрения.

Затем начал действовать Ван Хун-цзао. Прежде всего он обрушил меч карателя на тех, кто не признавал

дубаня выдающимся политическим деятелем, «вождем» народа, «путеводной звездой» новой политики. Начались массовые аресты и расстрелы. Так были расстреляны и многие бывшие соратники дубаня: губернаторы Яо, Чу Фын-мин, Чжоу Жэ-мин...

С особым ожесточением набросилась агентура Ван Хун-цзао на коммунистов. Их обвиняли «в критическом отношении к внешней и внутренней политике Китая». Репрессиям подверглись уйгурские и казахские патриоты.

Одним из первых был смещен с поста губернатор Хотанского округа Пан Дун. Начались массовые увольнения в чиновничьем аппарате. Однако увольнялись только прогрессивно настроенные люди, в основном те, кто стоял за развитие дружественных отношений с Советским Союзом. Арестовывались даже лица, имевшие связь с советскими людьми по служебным обязанностям. Их обвиняли в «пособничестве врагу».

За один год переменилась обстановка в Синьцзяне, но переменилась в верхах, народ же остался верен дружбе с северным соседом. Однако не все шло гладко в верхах. В самый разгар антисоветского пожара, в конце сентября 1942 года, меня принял командующий войсками Хотанского округа Чэн. Из разговора с ним, хотя мой собеседник высказывался довольно осторожно, мне стало ясно, что он не сторонник нового авантюристического курса правителей Китая. Чэн был очень встревожен. Вот его слова: «Каждый фронт, — говорил он, — имеет сейчас большое значение, но, пожалуй, самое важное — это то, что происходит на берегах Волги в СССР. Если Красная Армия выйдет победительницей, то Германия и ее сателлиты погибнут. Не сразу, конечно, но все-таки погибнут, окончательно погибнут...».

Я осторожно спросил Чэна, прощупывая его позицию: «Ну, а если Красная Армия проиграет эту битву?». Минуту помолчав, он ответил: «Тогда страшно подумать, что станет с человечеством... От исхода битвы в Сталинграде в полном смысле слова зависит судьба мира!».

Отвечая на мой вопрос, Чэн прежде всего, конечно, имел в виду судьбу Китая. Он не был коммунистом и даже близко не стоял по своим убеждениям к коммунистическому мировоззрению, но он был патриотом своей родины и видел, куда ведет страну чанкайшистская клика и потерявшие «свое лицо» деятели типа Шэн Ци-цая.

В самом Синьцзяне обострялось внутреннее положение. Подняли головы китайские чиновники старой формации. Теперь они не притворялись демократами, не играли в друзей народа. Маска была сброшена, открылись лица оголтелых колонизаторов, взяточников и лихоимцев.

Это проявилось прежде всего в издании серии чрезвычайных декретов. По этим декретам китайское чиновничество предприняло грабительский поход против населения провинции. Уйгурское крестьянство, уйгурский рабочий класс, казахские и узбекские скотоводы были обложены непосильными налогами. Чиновники обирали население под благовидными и неблаговидными предлогами; за сопротивление декретам полагалась смертная казнь. Китайских чиновников охватил шовинистический угар. Они соревновались друг с другом в том, как лучше унизить людей некитайской национальности. Были закрыты национальные школы, уйгурских чиновников увольняли из государственного аппарата во всех звеньях. Газеты начали публиковать откровенно антисоветские материалы.

Однажды я спросил знакомого корреспондента газеты «Синьцзян жибао» Вана: «Почему вы последнее время перестали писать о Советском Союзе?». Он ответил: «Я пишу о Советском Союзе, но газета отвергает этот материал... Сейчас о Советском Союзе проходит только дурное...».

Как при всяком переходе от режима, маскирующегося под демократический, к откровенно тоталитарному, к личной диктатуре, в управленческом аппарате началась чехарда, которая коснулась и ответственных, и мелких чиновников. Так, с начала 1942 по июль 1943 года в Хотане один за другим сменились после Пан Дуна три губернатора.

На ком же остановили выбор Шэн Ци-цай и его клика? Их уже нисколько не интересовало, как относится к тому или иному кандидату на пост губернатора широкая общественность, был бы он удобен для них. Губернатором Хотана был назначен Ли Вэй-фан. Это было бы смешно, если бы не носило на себе черты тяжелой трагедии. Никто и никогда не относился к этому человеку серьезно. Полуграмотный полицейский из города Урумчи, он был замечен кем-то из родственного окружения дубаня и получил необыкновенное возвышение. Известны

были и некоторые его прошлые «заслуги». В тридцатых годах он был провокатором японской разведки и помогал японской военщине организовать избиение китайцев в Северо-Восточном Китае.

Это был классический типаж для театральной пантомимы, не нуждающийся в гриме. Типаж хитрого и льстивого интригана, со всеми внешними чертами отрицательного персонажа комедии. Сравнительно молодой, стройный, подстриженный по последней моде, с выступающими вперед зубами, он сиял искусственной улыбкой, когда улыбаются только губы, а глаза остаются холодными. Этот человек, преследуя свои корыстные цели, мог шагать по трупам даже своих покровителей.

Именно ему было поручено завершить в Хотане так называемую чистку от «нелояльных» и «неблагонадежных» элементов. Он истреблял прогрессивных китайских работников без суда и следствия, прочесывал «крамолу» «смертельным гребнем», гребнем без просветов, в которые мог бы проскочить «враг». Так говорили о нем люди из его окружения.

Гоминдановская клика, овладев положением в Синьцзяне, постепенно развертывала антисоветское наступление, все более нагнетая напряженность в отношениях с советскими специалистами.

Началось все с мелких полицейских придирок, носивших, как правило, провокационный характер. Задерживались и обыскивались советские машины с грузами, направляемыми из Советского Союза в акционерные общества «Совкитметалл» и «Совкитнефть». Мне приходилось не раз вмешиваться, чтобы избавить советских граждан от издевательств в полицейских участках. Были случаи избиения советских специалистов.

Вскоре высшие власти решили узаконить разбой.

Полномочный представитель МИД Китая в Синьцзяне У Цзэ-сян уведомил советского генерального консула в Урумчи Г. М. Пушкина о том, что вводится в действие так называемый «закон о гражданстве», принятый центральным правительством Китая еще 5 февраля 1929 г. Он лишал всех иностранных подданных права на жительство в Синьцзяне. Нетрудно догадаться, зачем был извлечен из-под спуда этот, с позволения сказать, «закон». Кроме советских людей в Синьцзяне в то время почти не было иностранцев.

Провокации следовали одна за другой. Полицейские врывались в дома советских граждан, требовали от них подписки об отказе от советского гражданства, производили повальные обыски.

Вслед за введением в действие «закона о гражданстве» был издан циркуляр, предоставивший полицейским право обыска советских граждан практически в любое время дня и ночи. От советских людей требовалась огромная выдержка, спокойствие и осмотрительность. В связи с разгорающейся антисоветской кампанией перед нами не раз вставал вопрос: не покинуть ли Синьцзян? Однако международная обстановка была очень сложной, мы знали, что антисоветская истерия ни в коей мере не отражает отношение китайского народа к советским людям, что интересы государственной политики требуют от нас сохранения советского представительства в Синьцзяне.

Шэн Ци-цай издал распоряжение, запрещающее контакты частных китайских лиц с советскими гражданами. Советские специалисты, работающие на китайских предприятиях и стройках, фактически ставились этим распоряжением в изоляцию. В правительственных учреждениях провинции были проведены закрытые собрания, на которых разъяснялась «новая политика» по отношению к Советскому Союзу. Газеты известили о введении в провинции чрезвычайного положения. После 7 часов вечера была запрещена торговля. Участились случаи отказа продавать продукты советским людям. На различных советских предприятиях в Китае (например, на нефтекомбинате в Тушандзы) организовывались диверсии.

Читающий эти строки может прийти в недоумение. А что же делало советское консульство? Как оно защищало интересы советских граждан? Неужели невозможно было заявить решительный протест или прямыми переговорами смягчить обстановку?

Китайский стиль дипломатии вырабатывался столетиями при императорских дворцах, этот стиль был полностью принят на вооружение гоминдановскими чиновниками. В ханжестве и лицемерии им, безусловно, принадлежала пальма первенства, здесь они превзошли все, что когда-либо было в истории международных отношений.

Вспомним запись моей первой беседы с дубанем, ко-

гда я в 1940 году въезжал в Синьцзян, в провинцию дружественной нам страны, которой мы неустанно оказывали всяческую поддержку и помощь.

И вот перед нами беседа генерального консула Г. М. Пушкина с полномочным представителем МИД Китая У Цзэ-сяном 23 января 1943 г., в разгар антисоветской кампании.

У Цзэ-сян заявил, что советско-китайские отношения базируются на соглашении, заключенном в 1924 году,— первом равноправном соглашении Китая с великой Советской державой.

Китайский народ высоко ценит дружбу советского народа, сочувствует советским людям в их борьбе против фашистской Германии. Это дружеское отношение исходит именно из того, что СССР — первая страна, которая положила начало равноправным взаимоотношениям с Китаем. Китайский народ особенно благодарит Советское правительство и советский народ за то, что и в других вопросах Китай находит поддержку у Советского правительства и народа.

У Цзэ-сян напомнил, что Китай занимает две трети территории всего азиатского материка и стоит на первом месте в мире по численности населения. Вслед за Китаем великой державой в Азии является СССР. Разрешение всех вопросов в Азии в решительной степени зависит от сотрудничества этих двух держав. За восемнадцатилетнюю историю дипломатических отношений Китая с СССР советский народ всегда стоял на стороне китайского народа, в разрешении всех вопросов в Азии Китай всегда находил сочувствие и поддержку Советского Союза. В современной международной обстановке советско-китайские отношения должны укрепляться еще больше, и мы должны проникнуться чувством взаимопомощи. Дружественные как политические, так и экономические отношения СССР с Синьцзяном ни для кого не являются секретом, и эти отношения должны развиваться.

Советский Союз имеет тесные экономические отношения с Синьцзяном, и центральное правительство Китая не считает это нарушением суверенных прав Китая. Наоборот, Китай заинтересован в том, чтобы экономические отношения СССР с Синьцзяном укреплялись и расширялись, ибо это выгодно как СССР, так и Китаю, подчерк-

нул У Цзэ-сян. Перед поездкой в Синьцзян У Цзэ-сян был на приеме у Чан Кай-ши, который выразил от имени правительства Китая удовлетворение сложившимися отношениями дружбы и солидарности между народами Китая и Советского Союза.

«Я со всей ответственностью могу заверить генконсула СССР, — говорил У Цзэ-сян, — что в разрешении любого вопроса вы можете найти поддержку у меня. Всякое требование генконсула будет немедленно выполнено».

Спрашивается, чего еще желать? Как бы мог генеральный консул не выразить удовлетворения этой беседой?

Когда генеральный консул указал в беседе на факты дискриминации советских граждан, У Цзэ-сян даже не вступил в спор, а тут же заверил, что правительство разберется в столь вопиющих фактах и накажет виновных.

К тем же результатам приводили и встречи с дубанем. Все те же слова о советско-китайской дружбе, все те же обещания разобраться, призвать к порядку виновных...

Никто ни о чем не спорил, ничего не отрицалось. Шла игра словами, шла игра в любезность, доходящую до слащавости. Перед нами была даже не стена, а что-то аморфное, обволакивающее, гибкое и легкое, как китайский шелк. Вы надавливали, но давить было нечего, все прогибалось, все отступало и, лишь только ваше давление прекращалось, принимало прежнюю форму. Недаром мастера холодного оружия говорят, что легче разрубить кузнечную наковальню, чем брошенную в воздух шелковую косынку.

На словах одно, на деле другое.

Встреча генерального консула с У Цзэ-сяном состоялась 23 января, а 10 февраля губернатор Хотанского округа Ли Вэй-фан, бывший полицейский и провокатор, поучал работников культурно-просветительных обществ, как перестроить «воспитание детей местного населения, как культивировать в детях антисоветизм». На этом совещании губернатор запретил пользоваться книгами, изданными в Советском Союзе, предложил освободить учебную и воспитательную работу от всего того, что «туманит головы достижениями Советского Союза и подвигами Красной Армии».

19 февраля Ли Вэй-фан приказал хотанской полиции собрать у населения произведения Маркса, Энгельса, Ленина, снять все портреты Ленина в учреждениях и жи-

лых домах, изъять фотоснимки, изображавшие действия Красной Армии на фронте. Все это было немедленно предано сожжению.

Нам пришлось вести точный счет каждому факту, каждому случаю антисоветских действий гоминдановской полиции. Сохранились следующие записи об аресте советских граждан. Полиция в Кульдже арестовала следующих советских граждан: 8 марта — Червякова, 15 марта — Садыка, 22 марта — Ященкову, 25 марта — Сидорову. В Чугучаке были арестованы и избиты: 16 марта — советский гражданин Гинаят, 21 марта — советский гражданин Шарияздан.

16 мая 1942 г. из Бурчума в Шара-Сумэ возвращалась автомашина алтайской конторы «Совсинторга». У ворот Шара-Сумэ машина была задержана полицейскими и отправлена в полицейское управление, где был произведен обыск и проверены вещи и документы советских геологов.

20 мая полицейские задержали у городских ворот автомашину советской геологической экспедиции, на которой в Шара-Сумэ приехали из Бурчума сотрудники экспедиции. Полицейские прямо на улице обыскали автомашину и проверили личные вещи геологов.

Своим поведением китайские чиновники показали, что для них не существует никаких традиций, принятых в отношениях между цивилизованными народами. Еще и еще раз приходило на память упоминавшееся русским философом Владимиром Соловьевым почти столетней давности выступление китайского генерала: «Мы готовы и способны взять от вас все, что нам нужно, всю технику вашей умственной и материальной культуры, но ни одного вашего верования, ни одной вашей идеи и даже ни одного вашего вкуса мы не усвоим. Мы любим *только себя* и уважаем *только силу»*.

Всем известны примеры из этнографических исследований, свидетельствующие о том, что дикие племена, не имеющие даже письменности, и те сохраняют особую приветливость при общении с иноземцами, видя в них представителей других народностей. Оказывая иноземцам уважение, народ укрепляет тем самым прежде всего свое собственное достоинство. Хамство, дикость и разнузданность, пусть даже прикрываемые маской лицемерия, никогда не были признаком собственного достоин-

ства, а тем более силы. «Кричащий в гневе — смешон, молчащий в гневе — страшен», — гласит старинная казахская пословица.

Нам было трудно, нам было горько, но мы не попадали в смешное положение.

Дипломатам с древнейших времен выдаются охранные грамоты — соответствующим образом оформленные документы, гарантирующие неприкосновенность личности в стране, где сохраняются в силе законы человеческого общества, вырабатывавшиеся на протяжении тысячелетий. Китайские чиновники замахнулись и на дипломатическую неприкосновенность, замахнулись трусливо и подло, ибо знали, что Советское правительство никогда не позволит себе ответить теми же мерами.

В июне 1943 года я возвращался из Кашгара в Хотан. У въезда в город Яркенд автомашину остановили полицейские. Они потребовали предъявить документы. Мы предъявили дипломатические паспорта. Паспорта были проверены, но разрешения продолжать путь мы не получили. Машина была задержана без объяснения каких-либо причин. Я заявил протест полицейским и попросил доложить о моем протесте начальнику полиции Яркенда Вану, которого знал лично. Полицейский оборвал меня: «Оставьте ваши шутки! Разве не знаете, что русские для нас сейчас враги?». Для большей убедительности он щелкнул затвором винтовки и направил ствол на меня. Лицо его исказила злоба.

Я пытался объяснить полицейскому, что означает дипломатический паспорт, какие права он дает его владельцу. Но в ответ услышал: «Мы задерживаем любую советскую машину. Нам на это дано право».

Нас заставили проследовать к подъезду полицейского управления. По дороге мне удалось добиться от полицейского разрешения направиться к резиденции губернатора. Там нам сухо ответили, что все руководящие работники выехали из города. Не оказалось «на месте» и начальника окружной полиции. Я попросил предоставить мне возможность связаться по телефону с генеральным консульством в Урумчи. На эту просьбу ответа вообще не последовало.

Мы сидели и ждали в машине решения нашей судьбы, не имея возможности ни протестовать, ни сообщить о случившемся нашему генеральному консулу.

И вдруг все в чисто китайском стиле переменилось. Один из офицеров «доверительно» сообщил нам, что произошла ошибка и виновные будут наказаны. Минут через пятнадцать после этого «конфиденциального» сообщения перед нами провели под конвоем закованных в кандалы полицейских, которые задержали нас при въезде в город. Офицер заявил нам, что они будут осуждены.

Нетрудно было разгадать этот дешевый фарс. Никто нас всерьез не собирался задерживать. Просто понадобилась очередная провокация, захотелось поиграть на нервах советских людей. Теперь заметались следы, опять же с чисто китайской тщательностью.

Вскоре появился «выехавший из города» губернатор Кан Минь-юань. Его сопровождали вице-губернатор и начальник окружной полиции. Они приветствовали нас, как друзей, прикладывали руки к сердцу и закончили свои «извинения» приглашением на обед. Я же настоял на том, чтобы губернатор принял от меня официальный протест и, отказавшись присутствовать на обеде, покинул Яркенд...

В истории международных отношений известны случаи стихийных митингов и протестов у резиденций дипломатических представителей. Стихийные демонстрации и митинги могут быть выражением общественного мнения по поводу той или иной политической акции страны, у стен представительства которой выражается протест. Но чем-то уже совершенно варварским выглядели организованные хулиганские акции у стен дипломатических представительств. Почти одновременно в Урумчи, Кульдже, Шара-Сумэ, Кашгаре, Хотане в течение нескольких дней разгоряченные и возбужденые толпы штурмовали наши консульства. Советских людей осыпали оскорблениями, разнузданные молодчики кидали в окна камни.

Ну что же! Это в какой-то мере традиционно для касты китайского чиновничества. Русский дипломат Ю. Я. Соловьев в книге «Воспоминания дипломата» рассказывал о своей прогулке по окраинам Пекина с французским коллегой графом Серсэ, его женой и французским инженером Гриллем. Стиль китайского чиновничества конца XIX века был тем же, что и сегодня. Они пришли на окраину, где были расположены мелкие лавочки, желая что-то купить, и вскоре заметили, что вокруг них собирается толпа, из которой раздавались выкрики. Соловь-

ев и его спутники сначала решили, что их приветствуют. Но скоро последовали и вещественные доказательства «приветствий». Полетели камни. Одному из дипломатов камень угодил в затылок.

В тот же день была отправлена совместная нота русской и французской миссий об оскорблении дипломатов. В ответ китайские власти расклеили по всему городу распоряжения, предупреждающие о привлечении к ответственности за оскорбление дипломатических представителей. Однако после этих распоряжений выпады против дипломатов продолжались, и никто никогда не привлекался к ответственности. Обычный стиль тоталитарных режимов. Тоталитарный режим подправляет стихийно возникающее недовольство, направляя острие гнева невежественных людей против иностранцев. Кто-то должен нести ответственность за неудачи тоталитарных режимов. Виноваты обычно иностранцы, виновато их «вмешательство» во внутренние дела.

Нельзя не удивиться живучести некоторых традиций китайской дипломатии. И во времена феодализма, и во времена новейшей истории (в период гоминдановского правления, и в сегодняшнем Китае, когда в общественной жизни взяли верх националистические элементы) строго соблюдаются традиции. Правда, сегодняшние китайские правители внесли в них много нового. Они отмели обычную китайскую льстивую вежливость, а оскорбление дипломатов возвели в доблесть, механизировав этот процесс последними достижениями техники. Весь мир облетели сообщения о многодневных блокадах посольств, диких карнавалах, с транспарантами под окнами посольств. У подъездов дипломатических представительств горели костры, на которых сжигались куклы, изображавшие государственных деятелей тех стран, которые представляли посольства. Громкоговорители, установленные на машинах, выкрикивали оскорбления на воровском жаргоне. Не щадили даже детей... Китайские правители отменили как «устаревший обычай» дипломатический иммунитет. На дверях гостиниц вывешиваются надписи, запрещающие вход иностранным представителям... «Вождизм» и насилие шествуют всегда рядом.

Ни для кого теперь не секрет, для чего понадобилась Чан Кай-ши антисоветская истерия. Под аккомпанемент этой истерии гоминдановский Китай резко менял полити-

ческий курс. Начинали разговором о борьбе против империализма, а кончили тем, что поступили в услужение империализму на лакейские роли.

В 1942 году под предлогом помощи в борьбе против Японии правительство США ввело свои войска на территорию Китая. Чан Кай-ши нужны были иностранные легионы для борьбы против собственного народа, и он их получил.

21 мая 1943 г. Чан Кай-ши подписал с США соглашение о предоставлении американским войскам права экстерриториальности.

Начались массовые репрессии против компартии. В 1943 году выстрел наемного убийцы оборвал жизнь представителя ЦК компартии в Синьцзяне Чэнь Тань-цю. Был убит и Мао Цзэ-мин (брат Мао Цзэ-дуна). В апреле 1943 года чанкайшистские войска вошли в провинцию. Итак, вместо того чтобы воевать с японскими агрессорами, Чан Кай-ши сосредоточивал свои отборные войска на границах с Советским Союзом. Среди солдат и офицеров усиленно распространялись слухи, что Чан Кай-ши готов выступить против Советского Союза. Кому это было на руку? Только гитлеровской Германии.

В городах Аксу, Кашгаре, Яркенде, Хотане создавались профашистские группы и партии. Они открыто призывали к сотрудничеству с Японией и Германией, к борьбе против «всемирного коммунизма». В Синьцзяне среди мусульманского населения распространялись басни, что Гитлер — сын дочери турецкого султана, что он самый надежный защитник мусульманской веры. Точно такие же слухи распространялись в годы первой мировой войны о немецком кайзере Вильгельме II.

Распространялись сообщения о том, что «Запад в руках Германии», что «Турция присоединилась к Гитлеру», что «японские и германские войска готовятся к соединению в Иране и Афганистане, что они готовы нанести совместные удары по Баку и Бухаре, что настало время газавата для расправы с иноверцами в Средней Азии».

Ныне полностью доказано, что нити всех темных заговоров, источники всех провокационных слухов сходились в резиденциях японских и немецких агентур. Уже тогда, в 1943 году, интересы немецкой и японской разведок переплелись с интересами американской и английской разведок.

Адлер, сотрудник американской разведки при правительстве Чан Кай-ши, так называемого «стабилизационного комитета», Франклин Лей, Латемер и др. расширяли сеть своей агентуры. Самым надежным поставщиком такой агентуры были японские и немецкие разведывательные миссии. Они передавали своих агентов американской разведке.

Город Урумчи пополнился генконсульством США. Пост генконсула занял известный разведчик Клабб, специализировавшийся на работе против СССР. Началось строительство американских военных баз и аэродромов в Хами, Урумчи, Кульдже, Кашгаре.

Небезынтересно свидетельство вице-президента США Уоллеса, посетившего Синьцзян в 1944 году. В докладе президенту США он писал: «Наш консул в Урумчи и представители нашего посольства считают, что Шэн Цицай действовал по указаниям Чан Кай-ши. Синьцзян является районом, за которым надо следить».

И «следили»... Следили чисто по-американски. Генконсульство США в Урумчи готовило и засылало в Советский Союз шпионов и диверсантов. Главарь такого рода бандитов Усман предстал в 1951 году перед судом. Судебное разбирательство показало, что банда Усмана, действуя по указке вице-консула США Маккирнена, убивала советских граждан и совершала налеты на границы Монгольской Народной Республики.

И вот настал час, когда дальнейшее пребывание советских людей на земле Синьцзяна стало немыслимым. Москва решила отозвать из Синьцзяна советских специалистов и закрыть консульства.

Мы собирались в трудный и опасный путь, где нас могли подстерегать пули террористов, провокации хулиганствующих националистов.

Несмотря на полицейские репрессии, большие группы китайских патриотов пришли проводить своих советских друзей. Простые китайские люди не могли забыть путь, проделанный сквозь трудные годы рука об руку с советским народом. Скандировались лозунги: «Советско-китайскую дружбу не подорвать!», «Да здравствует СССР!».

Машины тронулись. Мы видели, как полицейские дубинками разгоняли демонстрантов. Раздавались выстрелы...

...Вспоминая теперь прошлое, должен отметить, что народ все же сказал свое слово. Разгул гоминдановских чиновников вызвал протест народных масс. Сначала возникали партизанские отряды в горных районах. Даже их разрозненные действия доставляли немало хлопот чанкайшистам. К 1945 году из партизанских отрядов сформировался синьцзянский Национальный корпус. К сентябрю 1945 года на севере Синьцзяна повстанцы разбили гоминдановцев и освободили от них три округа: Илийский, Тарбагатайский и Алтайский, некоторое время спустя этот корпус присоединился к частям Народно-освободительной армии Китая.

В наше время почему-то принято считать самой точной наукой математику. Математики с этим не согласны. «Самая неясная, самая приблизительная наука», — говорят они. А вот история имеет все возможности быть наукой точной. И никакая фальсификация, никакая подделка исторических текстов не скроют объективного развития исторического процесса...

И еще раз советский народ протянул руку помощи китайскому народу, когда началась освободительная война против американского империализма и гоминдановской клики.

Именно активная помощь советского народа дала возможность победить китайской революции. 1 октября 1949 г. в Пекине на площади Тяньаньмынь взвилось красное знамя, символ победы китайского пролетариата.

Рухнул гоминдановский режим, иноземные войска были выброшены с китайской земли. «Если бы не существовало Советского Союза, — говорил в 1949 году Мао Цзэ-дун, — если бы не было победы в антифашистской второй мировой войне, если бы — что особенно важно для нас — японский милитаризм не был разгромлен, если бы в Европе не появились страны новой демократии.., то нажим международных реакционных сил, конечно, был бы сильнее, чем сейчас. Разве мы могли бы одержать победу при таких обстоятельствах? Конечно, нет!».

Ничто не зачеркнет исторического процесса, ничто не погрузит в забвение ту помощь, которую оказал советский народ китайскому народу, не вырубишь этого признания Мао Цзэ-дуна тех давних лет, как бы теперь и не старался он это сделать в своих новых высказываниях...

Возвращение в Москву

Советско-китайскую границу мы пересекли 17 июля 1943 г. в пограничном пункте Иркештам (Узбекская ССР).

Последняя проверка документов, последние озлобленные взгляды, последние льстивые и лживые улыбки китайских чиновников — и мы на родной земле.

Я уже говорил, что нет видимых географических и этнических различий между советской Средней Азией и Синьцзяном. Но география в строгом смысле слова не кончается на признаках чисто природных, так же как этнография не исчерпывается расовыми признаками. А экономика, а культура народов? Это немалые факторы в формировании национальности. Есть и в Синьцзяне узбеки, казахи, туркмены, но сколь разительно отличается их жизнь в Китае от жизни в нашей стране!

Тонкая полоска на карте, условная линия, граница, по обеим сторонам которой два разных мира. Граница существует и в сознании, она надстройка политических взглядов, и сколько же за этой условной чертой, по ту сторону пограничного рубежа несправедливостей и бед.

Когда-нибудь, исследуя нашу действительность, историки будущего с иронией и негодованием вспомнят это слово — «граница»...

Еще совсем недавно окраинные провинции царской России немногим отличались от Синьцзяна. Дореволюционный Узбекистан... Кустарные ремесла, ручной труд, кочевья, деревянный омач, трахома, сифилис... Но шло время. Народ взял управление страной в свои руки. Теперь мощные тракторы, современные хлопкоуборочные машины работают на полях республики, вместо кустарных мастерских — огромные заводы, оснащенные сложнейшим оборудованием. Возникли национальные школы, высшие учебные заведения, выросли свои инженерные кадры, свои лингвисты, свои историки, свои ученые. Сегодня в каждом доме, даже в удаленных от городов селениях, электрический свет.

Пример Узбекистана вдребезги разбивает концепции и старого колониализма, рожденного в девятнадцатом веке, и так называемого «неоколониализма», все того же колониализма, подновленного в двадцатом столетии.

За основу этих концепций берется положение, что «отсталые» народы неспособны к самостоятельному развитию, что они неспособны создать промышленность, науку, культуру, подготовить технически грамотные кадры.

С этой, с позволения сказать, «философией» мне приходилось очень часто сталкиваться в кругах китайского чиновничества, воспитанного в традициях махрового национализма, барского пренебрежения к другим народностям.

Отсюда проистекали страх и ненависть китайской бюрократической верхушки ко всему советскому. Ей был всегда страшен пример советских среднеазиатских республик для народа Синьцзяна, пример того, как может быть разрешен национальный вопрос...

С первого же дня Великой Отечественной войны Узбекская Республика активно включилась в общенародное движение под лозунгом: «Все для фронта, все для победы!». Узбекистан превратился в одну из кузниц нашей победы, в большой промышленный центр...

Москва встретила нас затемненными окнами, железными надолбами и окопными траншеями на окраинах. Москва военных дней... Да, это не тот красочный довоенный город, каким мы его помнили. Но как мы радовались! Как далеки от действительности были слухи, которые распускались в Китае, о том, что гитлеровские самолеты сравняли город с землей. Мы видели следы воздушных налетов, но это было совсем не то, о чем кричали гитлеровцы и вторившие им чанкайшисты. Целы мосты через Москва-реку, не тронуты железнодорожные вокзалы. Необычна была лишь их полосатая раскраска в целях маскировки при воздушных налетах.

В Наркоминделе почти военная обстановка. Война поставила перед его работниками новые задачи. Никогда еще наша дипломатия не выходила так широко на международную арену. Были и международные конференции на самом высоком уровне, и переговоры министров иностранных дел, и встречи послов, и т. п.

Советский дипломат за рубежом должен был заниматься не только своими прямыми обязанностями, но и нести правду о Советском Союзе, о советском народе, о ходе Великой Отечественной войны, учитывая огромный интерес за рубежом к нашей стране.

Многое пришлось сделать для того, чтобы широкие

круги общественности тех или иных стран получили правдивую и непредвзятую информацию о Советской стране, о советской внешней политике: нужно было найти точку опоры среди тех, кто не принял фашизма, разбить предвзятые представления, рассеять недоверие к Советскому Союзу, которые подогревались фашистской агентурой.

Деятельность советской дипломатии в период второй мировой войны, направленная на обеспечение борьбы Красной Армии против фашистских орд, протекала в исключительно напряженной и сложной обстановке. Сложность и своеобразие этой обстановки заключались в том, что в этой войне переплелись два типа острых международных противоречий: противоречия между двумя группировками крупных империалистических держав и противоречия между империализмом, особенно в его наиболее агрессивной и зверской — фашистской форме, и социализмом.

В этих условиях одной из важнейших внешнеполитических задач являлось объединение всех сил, борющихся против фашизма, в единую антигитлеровскую коалицию, исходя из реального учета расстановки сил на международной арене, из всестороннего анализа объективных закономерностей исторического развития.

Советская дипломатия руководствовалась при этом основополагающим указанием В. И. Ленина о том, что рабочий класс в своей борьбе за освобождение всего трудящегося человечества может добиться победы «только при величайшем напряжении сил и при *обязательном,* самом тщательном, заботливом, осторожном, умелом использовании как всякой, хотя бы малейшей, «трещины» между врагами, всякой противоположности интересов между буржуазией разных стран, между разными группами или видами буржуазии внутри отдельных стран, — так и всякой, хотя бы малейшей, возможности получить себе массового союзника, пусть даже временного, шаткого, непрочного, ненадежного, условного. Кто этого не понял, тот не понял ни грана в марксизме и в научном, современном, социализме *вообще»* [5].

Руководители правительства СССР и ЦК КПСС считали, что союз антифашистских государств может и дол-

---

[5] В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 41, стр. 55.

жен быть создан, так как он нужен и выгоден всем, кто заинтересован в разгроме фашистских агрессоров.

Советские дипломаты с честью выполнили указания партии и правительства, сделав все необходимое для создания антигитлеровской коалиции.

Да, велика честь быть советским дипломатом в наше время: всегда в строю, всегда на ответственном посту, всегда на переднем крае внешнеполитического фронта!

Создавая новую дипломатию, В. И. Ленин проявлял постоянную заботу о подготовке кадров работников НКИД, которым приходилось на практике претворять в жизнь программу мира. При этом сам Владимир Ильич показывал образцы дипломатии; он научил искусству дипломатии многих своих соратников, которые составили золотой фонд советского дипломатического аппарата.

Коммунистическая партия во главе с ленинским ЦК взрастила целую плеяду замечательных советских дипломатов, которых отличает не только высокое понимание своего долга, но и моральная чистота, мужество и стойкость.

В тяжелый период для нашей страны — в годы Великой Отечественной войны — эти качества советских дипломатов проявились с наибольшей полнотой.

В дни, когда над Москвой нависла опасность, когда гитлеровские войска рвались к воротам города, из центрального аппарата НКИД в ряды ополчения пошли добровольцами и дипломатические работники. Сражались в рядах ополченцев многие из тех, кто сегодня являются послами СССР или советниками Министерства иностранных дел.

4 ноября 1943 г. был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о посмертном награждении дипломата Ивана Филипповича Власова, погибшего смертью героя в гестаповских застенках. Это был мужественный русский человек, дипломат и воин. К дипломатической работе он пришел от заводского станка, много учился, получил широкое образование. Около одиннадцати лет Власов работал в аппарате НКИД, часто выезжая за границу. Перед войной он был поверенным в делах в Дании.

В первые же дни войны Власов ушел добровольцем на фронт. Ему пришлось познать горечь отступления род-

ной армии. Случилось так, что он оказался в плену у гитлеровцев. Гестапо без труда установило его личность и, естественно, проявило к нему повышенное внимание.

Гитлеровцам очень хотелось склонить Власова к измене или хотя бы выбить из него важные показания. За ходом пыток следил сам Гиммлер. Но гестаповцам пришлось отступить. Иван Филиппович показал, что такое стойкость коммуниста, стойкость и мужество советского человека. На допросах, под пытками он не проронил ни слова и принял мученическую смерть.

За успешное выполнение заданий правительства во время Отечественной войны Президиум Верховного Совета СССР наградил Орденом Ленина 10 дипломатов, Орденом Отечественной войны I и II степени — 40 человек, Орденом Трудового Красного Знамени — 83, Орденом Красной Звезды — 54, Орденом Знак Почета и медалями — сотни человек...

Монгольская Народная Республика

Мне не пришлось долго пробыть в столице. Через некоторое время я получил новое назначение. На этот раз мне предстояло работать в Монгольской Народной Республике — консулом в городе Алтан-Булак. Подготовка к поездке не была для меня столь сложной. Мне и в Синьцзяне приходилось сталкиваться в работе с вопросами советско-монгольских отношений, встречаться с жителями этой страны и, конечно, довелось обращаться к ее истории.

Здесь не место и не время давать подробный исторический очерк страны и обращаться к истории советско-монгольских отношений — это тема специального исследования. Однако, рассчитывая, что мои записки попадут в руки не только специалистов, считаю необходимым остановиться на некоторых исторических фактах. Знакомство с ними поможет понять обстановку, в которой приходилось работать советским дипломатам в Монголии в годы войны.

Наши дружественные отношения с Монголией имеют свои традиции и уходят в далекое прошлое. Деловые контакты между монгольским и русским народами возникли в начале семнадцатого века. Первое русское посольство в Монголию было направлено Борисом Годуновым в 1608 году. Борис Годунов был для своей эпохи образо-

ваннейшим человеком. О Монголии он знал из рассказов русских купцов и пионеров освоения Сибири и, конечно, понял важность дружеских отношений с этой страной, расположенной на караванных путях между Россией и Китаем.

В том же, 1608 году пришел в Монголию из Томска и первый торговый караван, положив начало довольно активному торговому обмену. В 1647 году джунгарскому хану Батор-Хунтайджи была выдана царским правительством охранная грамота, разрешавшая монгольским подданным беспошлинно торговать на всей территории Сибири.

Снаряжались и из Монголии посольства в Россию. Монгольские правители искали в Москве защиту от восточных завоевателей, сносились с ней во времена владычества над Монголией маньчжурской династии. С шестидесятых годов прошлого столетия между Россией и Монголией устанавливаются постоянные консульские отношения. Великий Сибирский путь приблизил Монголию к международным рынкам, привязал ее экономические интересы к экономике России.

В силу ряда исторических условий Монголия к концу девятнадцатого столетия была одним из наиболее отсталых государств Азии, с примитивным сельским хозяйством, без какой-либо промышленности. Девятнадцатый век был веком расцвета колониализма. Монголия не смогла бы остаться независимым государством при разделе мира колониальными державами, если бы ни находила всегда поддержки России, которая издавна была заинтересована в том, чтобы Монголия была независимым государством. В ее независимости русская дипломатия видела гарантию спокойствия своих восточных границ и поэтому всегда выступала в поддержку национально-освободительного движения монгольского народа.

Борьба между империалистическими хищниками за Монголию особенно обострилась в годы гражданской войны. К ней тянулись руки японских и китайских милитаристов и белогвардейских авантюристов.

Однако пример российского пролетариата, пример российского крестьянства сыграл решающую роль в истории Монголии. В 1921 году монгольский народ, руководимый Монгольской народной партией, восстал против власти феодалов. Свершилась народная революция,

В первые же дни образования Монгольской Народной Республики советский народ протянул монгольскому народу дружескую руку. Монгольская народно-революционная партия повела монгольский народ вслед за Советской Россией по пути строительства социалистического общества.

Это был особенный путь, возможность которого предсказывал великий Ленин: от феодализма, минуя капиталистическую фазу развития, к построению социализма.

Страна приступила к успешному осуществлению широкой программы политических, социально-экономических и культурных преобразований.

1943 год... Я уезжал к месту своего назначения, когда положение на советско-германском фронте окончательно определилось. Битва на Орловско-Курской дуге закончилась полным разгромом гитлеровских войск. Если победа под Москвой в 1941 году развеяла легенду о непобедимости гитлеровских армий, если Сталинградская битва положила начало коренному перелому в ходе войны, то после Курской битвы началась агония вермахта. К 1943 году напряженность на восточных границах нашей страны несколько уменьшилась, обстановка же вокруг Монголии продолжала оставаться крайне неспокойной.

Фактически еще в начале тридцатых годов над Монголией начали сгущаться тучи. Наиболее активно и агрессивно действовали японские милитаристские круги. В этом плане можно напомнить выступление японского генерала Араки в 1932 году, которое наиболее ярко отражало планы японской военщины в отношении Монголии. Он писал на страницах одного из журналов: «Япония не желает допускать такой двусмысленной территории, какой является Монголия, непосредственно граничащая со сферой влияния Японии».

Нет нужды говорить, что японские милитаристы не раз пытались перейти от слов к делу. Еще до начала второй мировой войны они провоцировали один пограничный конфликт за другим, втягивали в свои провокации чанкайшистов; они и в годы второй мировой войны не выпускали Монголию из поля зрения... 1943 год принес им разочарование. Монголия выстояла под натиском враждебных сил, возникавших и распадавшихся военных коалиций, весь расчет которых строился на возможности

победы Германии над Советским Союзом. Монгольский народ не только выстоял, но и сохранил за собой возможность помогать советскому народу в его борьбе с фашизмом... Но об этом позже...

Из Улан-Удэ, столицы Бурятской Автономной Советской Социалистической Республики, автомашины доставили нас к пограничному советскому городку Кяхта. Этот город — ворота в Монгольскую Народную Республику. Ворота в Монголию в прямом и переносном смысле. Именно через Кяхту искони осуществлялась связь России с Монголией. Город был заложен в 1727 году по приказу русского посла Саввы Рагузинского после заключения с Китаем так называемого Буринского договора, определившего принципы торговли с Китаем. С тех пор Кяхта — и крепость, и форпост экономического и культурного влияния России в этом уголке мира. Глухая, мертвая провинция? О, нет! В Кяхте бывали и даже жили лучшие представители русской интеллигенции. Частенько туда приезжали декабристы братья Бестужевы. Сюда к ним приходил по дальним почтовым трактам журнал Герцена «Колокол». Русские учителя открыли в Кяхте в 1832 году русско-монгольскую школу, из которой вышел известный бурятский ученый Доржи Банзаров. В шестидесятых годах в Кяхте издавалась одна из первых газет в Сибири «Кяхтинский листок». Кяхта была всегда центром, куда съезжались исследователи этих краев, географы, геологи...

Несколько часов отдыха, и опять под колесами машины бежит широкая лента асфальта. Горы, потом бескрайняя степь, пограничная полоса, и вот она, Монголия!

Чудесна природа этой страны. Здесь есть все, что может радовать человека, украшая его жизнь. Горы... Пусть не очень высокие, пусть здесь нет тяньшаньских великанов, устремивших вершины за облака, горы в Монголии красивы и нарядны. Именно нарядны. На горные склоны набегают ковыльные степи, карабкаются по откосам, плавно переходя в могучие горные леса. Кедры, лиственницы, ели, пихты, осины, березы... Шумные горные реки, водопады, тихие воды в равнинных степях и спокойные озера... В степях носятся табуны диких лошадей...

Мне пришлось много ездить по дорогам Монголии. Поразительны контрасты этой страны. То песчаные бес-

плодные пустыни, то ковыльные степи с жирной, плодородной почвой, то леса, непроходимые и неизведанные, то горы со снеговыми вершинами.

Монголия исстари была ареной битв, что сказалось на эпосе ее народа. Герои монгольских сказов и сказаний — сильные и мужественные батыри — богатыри... Все богатыри происходят из аратских семей — крестьянские богатыри. Они сражаются с захватчиками из иноземных царств, вступают в единоборство с многоглавыми драконами, одолевают злобных и жадных чудовищ.

Монгольский арат во многом — в своем быту, в своих навыках и привычках — отличается от русского землепашца. Как правило, до последнего времени араты вели кочевой образ жизни, к чему их вынуждала природа и издавна сложившийся экономический уклад. Монголия — страна скотоводства. Здесь и горные склоны с альпийскими лугами, и долины рек с заливными пастбищами, и ковыльные степи. Есть где пастись табунам коней и многотысячным отарам овец.

Весной тают горные реки. Низвергаясь в долины, они заливают необозримые пространства. Жить оседло возле рек не так-то просто.

Академик В. А. Обручев считал Монголию одной из богатейших стран в геологическом плане. В Монголии имеются месторождения угля, обнаружены крупные залежи золота и серебра. К тому времени, когда я приехал в Монголию, добыча золота с помощью советских специалистов приобрела промышленный характер.

Монголия богата всевозможного вида целебными источниками. В Селенгинском аймаке встречаются углекислые, железистые, сернистые источники с температурой, доходящей до 70 градусов.

В горных распадках, в плодородных долинах, на лесистых склонах гор издавна селились в Монголии русские крестьяне. Монгольские власти никогда не препятствовали этому расселению. Сюда бежали от крепостного права, сюда стекались безземельные крестьяне, обездоленные помещиками и купцами, сюда добирались за жирным куском земли забайкальские казаки. Русский землепашец находил в Монголии все, что ему было нужно, о чем тосковала его душа. Земля здесь распределялась не «на душу», а сколько глазом охватишь, сколько ногами обойдешь... Плодородная, с глубоким слоем чер-

нозема земля, реки, полные рыбы, в лесах медведь, белка, горностай, соболь, лисица...

Это расселение не было колонизацией. Русский землепашец органически вливался в состав монгольского аратства. Монголы занимались скотоводством, русские производили хлеб.

Леса Монголии не занимать. Дома ставили забайкальские плотники в один стук. Такая была манера, такой стиль у этих мастеров топора. Ударит топором для начала старший по артели, а потом следит, чтобы ни на минуту не умолкали топоры: умолкнет один, стучит другой. И так до тех пор, пока шестистенка не вскинется над землей.

Жили богато. Весной и летом и стар, и млад выходили в поле. Пахали и сеяли, сколько хватало силы. Земля одаривала богатым урожаем. Глубокой осенью уходили в лес на охоту, на промысел...

Из Кяхты я прибыл в город своего назначения Алтан-Булак. Консульство Советского Союза в Алтан-Булаке обслуживало Селенгинский и Булганский аймаки, на территории которых работало много советских специалистов.

Алтан-Булак — красивый, европейского стиля городок, расположенный в пяти километрах от советско-монгольской границы, — лежит в глубоком распадке. Со всех сторон город окружают плодородные долины с селениями, с пашнями, с выпасами для скота.

В Алтан-Булаке у меня начались официальные встречи с представителями монгольских властей. Эти встречи продолжались и в столице Монголии — Улан-Баторе.

В дореволюционной литературе Улан-Батор известен под названием Урга. Впервые в исторических источниках он упоминается в 1649 году. Город возник вокруг ламаистского монастыря в устье реки Сельба. После народной революции в Монголии он был переименован в Улан-Батор Хоте, что означает «Город красного богатыря».

Когда-то это был деревянный городок, полугород-полукрепость. Я же приехал в европейского типа город, крупный промышленный центр.

С 1939 года здесь быстрыми темпами развивалась промышленность. Достаточно сказать, что только за первое полугодие 1943 года было выпущено промышленной продукции больше, чем за 1940—1941 годы. Вырос ог-

ромный промкомбинат, была сдана в эксплуатацию мощная ТЭЦ. Город стал центром национальной промышленности и культуры. В Улан-Баторе расположены Академия наук и Государственный университет.

В Улан-Баторе я был представлен руководителям монгольского правительства: Председателю Совета Министров Чойбалсану и Генеральному секретарю Центрального Комитета Монгольской народно-революционной партии Цеденбалу.

Как все здесь отличалось от того, что мне пришлось видеть в Синьцзяне! Не было приторных, льстивых улыбок и низких поклонов, не было изысканных изъявлений в дружбе, но слова монгольских руководителей не расходились с делом. Они искренне, с любовью относились к советскому народу.

Здесь правил своей страной народ, а не оторванная от народа, от его интересов, чиновничья каста.

По своим служебным делам мне приходилось встречаться не только с высшими государственными деятелями, но и с руководителями аймаков, с представителями общественности. Это были, как правило, люди, которые превыше всего ставили интересы народа.

В те годы я мог считаться еще молодым, начинающим дипломатическим работником. Я искал людей, с которых мог бы брать пример, у которых мог бы учиться. В Монголии мне посчастливилось работать с нашим послом Иваном Алексеевичем Ивановым. Он был добрым и прекрасным наставником. И не только для меня. Я думаю, все, с кем ему приходилось работать в Монголии, хранят о нем добрую память.

Одна из важнейших составных частей дипломатической работы — хорошие, деловые взаимоотношения с людьми, с которыми приходится встречаться и работать.

Говорят, что к каждому человеку нужен подход. Я бы сказал: необходима чуткость. Ценное это качество — чуткость. И я убежден, без него просто немыслима настоящая дипломатическая работа, особенно за пределами Родины. Сфера деятельности дипломата — люди, и он призван быть человековедом, знатоком душ и характеров. И если мы говорим, что чуткость в отношениях с людьми нужна каждому работнику, то дипломату она необходима вдвойне.

Когда заходит речь о советском руководителе, перед

нами встают образы горячих, неутомимых организаторов, умеющих работать предметно, вдумчиво, по-ленински. Люди эти, как правило, скромны, просты. Они не выставляют свое «руководящее я», не бравируют высотою занимаемого поста.

Именно таким был И. А. Иванов. Это был дипломат новой формации, дипломат советской школы. Образованный человек, скромный, он сумел завязать в стране широкие связи не только в правительственных кругах, но и в среде монгольской интеллигенции, среди монгольских рабочих и аратства. У него было много друзей. Монгольские руководители обращались к нему за советом, как к другу.

Довелось мне посмотреть, как развивается общественная жизнь и в глухих, далеких уголках страны.

Секретарь Булганского аймака Сосорбарама познакомил меня с работой, которая проводилась при помощи советских специалистов в больницах и в госхозах. Госхозы — это организации, очень похожие на наши совхозы. Именно через госхозы Монгольская народно-революционная партия осуществляла перевод монгольского аратства с кочевого на оседлый образ жизни. Сосорбарама не скрывал трудностей, которые встречаются на этом пути. Еще бы, ломался вековой быт, ломались вековые привычки аратства! Сосорбарама говорил, что все трудности разрешимы благодаря активной помощи советских специалистов.

Должен сказать, что появление советского человека в самых глухих селениях не вызывало недоумения, как это было в некоторых районах Синьцзяна. Здесь все были осведомлены и о Советском Союзе, и о той помощи, которую мы оказывали монгольскому народу.

Я вглядывался в лицо каждого монгола, с которым встречался. Все было привлекательно в этих людях — внимательные глаза, естественные движения, великолепная простота. Среди нравственных качеств монголов хочется отметить добродушие, приветливость и честность. Они свято соблюдают обычай гостеприимства. Ни один путник, посетивший юрту монгола, не выйдет из нее без того, чтобы хозяева не пригласили его поесть или выпить кумыс. Все это я увидел в первой же поездке по стране.

Очень интересными были встречи в русских селениях. Жили в них и русские крестьяне, переселившиеся в раз-

ные времена из центральных областей России, и забайкальские казаки, и бывшие противники Советской власти, те, кто ушел с белогвардейскими атаманами, ненавидя большевиков. Не многие из этих врагов уцелели, но все же можно было встретить в русском селении и семеновца, и колчаковца.

Когда мы приезжали в русское селение, народ охотно собирался на сходку. И уже от нас зависело построить разговор так, чтобы люди узнали правду о своей Родине. Мы рассказывали им и о жизни в Советском Союзе, и о ходе Великой Отечественной войны. Русский человек! Куда только не заносила его судьба! Но он везде оставался русским. Мы видели, как огонек простого любопытства гаснет и в глазах разгорается сочувствие. И этим людям была доступна боль за беды, которые обрушились на их Родину. Каждая беседа сопровождалась градом вопросов. Спрашивали обо всем. Многие, как сельские жители, интересовались жизнью в колхозах.

Волей-неволей нам приходилось становиться пропагандистами и агитаторами, заниматься разъяснительной работой, причем начинать надо было с азов, с азбучных истин. Работа эта была благодарной, семя падало в удобренную почву. Встречались, конечно, и такие, которые давно и накрепко поссорились с Советской властью, но их было очень мало.

Русские люди искали возможности помочь Родине в ее тяжелой и напряженной борьбе. В октябре 1943 года по инициативе русских крестьян, живущих в Монголии, по русским селам начался призыв в Красную Армию.

Призыв в армию переживался как праздник, как народное торжество. Русское забайкальское казачество вспомнило свои давние воинские традиции. На призывной пункт приезжали семьями. Вспоминается мне семья Севостьяна Ивановича Разуваева. Забайкальский казак, георгиевский кавалер, участник русско-японской и первой мировой войны, прямой потомок русских землепашцев, он приехал с женой проводить пятерых сыновей, уходящих в армию. Самому Разуваеву было тогда около 70 лет. Старик и сам, нисколько не шутя, просился на фронт, да запрещено законом призывать в армию семидесятилетних.

Сыновья — молодые дубки, как на подбор. Только в горных долинах, возле сосновых боров, на меде луговом

могли вырасти такие богатыри. Кавалерия в те годы уже утратила свое былое значение, но выучка в конной езде могла им пригодиться в других родах войск. Посмотреть на их руки — такими руками подковы гнут. Стрелки. На скаку с лошади в мишень попадают.

Старик Разуваев и его жена приехали на двуколке, запряженной парой лошадей, украшенных лентами, сыновья прискакали верхом.

Разуваев подъехал к полковнику. Спрыгнув с двуколки, он по-военному доложил, что привел в армию сыновей...

Около тысячи добровольцев ушло в Красную Армию. Но этим не ограничивалась помощь советскому народу.

В январе 1942 года 25-я сессия Малого Хурала единогласно решила создать танковую колонну «Революционная Монголия» и передать ее в подарок героической Красной Армии. Передавая танки 112-й танковой бригаде, премьер-министр Монгольской Народной Республики Чойбалсан говорил: «Каждый знает, что радость свободной жизни, национальная независимость завоеваны с помощью Советской страны, знает, что Красная Армия— самый верный и надежный защитник революционных завоеваний победившего народа, так как же не помогать этой великой армии в ее смертельной борьбе с фашистскими захватчиками, как не любить ее, эту армию, ее героев-богатырей, ее славных бойцов и командиров, грудью отстаивающих свободу и независимость наших народов». Чойбалсан сообщил также, что правительство Монгольской Народной Республики принимает на себя вещевое и продовольственное снабжение бойцов, командиров и политработников 112-й танковой бригады.

26-я сессия Малого Хурала постановила приобрести на средства Монгольской Народной Республики эскадрилью самолетов «Монгольский арат» и передать ее Красной Армии. Эскадрилья вступила в строй в 1943 году.

Только за 1943 год русские люди в Монголии собрали в фонд помощи Красной Армии и на подарки солдатам 200 тыс. тугриков. Войскам Белорусского фронта было передано 500 лошадей, а к Дню Советской Конституции было собрано еще 100 тыс. тугриков на постройку эскадрильи. Русские крестьянки отправили на фронт 7 тыс. пар теплых носков и варежек, связанных ими.

В 1944 году было собрано еще более 400 тыс. тугриков. Почин советских людей из поселка Хондоб в организации красного обоза с подарками для советских солдат и покупки лошадей для освобожденных районов Курской области был поддержан по всей стране. На собранные средства была закуплена 1 тыс. лошадей. Из них 500 передали Ленинградскому фронту, а остальных отправили в колхозы Курской области.

24 февраля 1944 г. по инициативе Елены Черняевой, жены фронтовика из поселка Хондоб, крестьяне подарили колхозникам Курской области 500 голов крупного рогатого скота. В январе 1945 года было передано 100 тыс. тугриков от русских крестьян Монголии на постройку танка «Советский крестьянин».

Собрали деньги на постройку танка и ветераны революции — партизаны Селенгинского аймака. Они писали в адрес Советского правительства: «Пусть наш танк поможет раздавить последних гитлеровцев и в строю грозной техники Красной Армии победным грохотом пройдет по улицам Берлина, символизируя нерушимую дружбу наших народов и торжество победы!».

Арат Лодон передал в фонд помощи СССР 16 лошадей и заявил: «...Я их купил у других аратов, чтобы подобрать рост и масть, и дарю их героической Красной Армии. Пусть на моих лошадях красные воины-богатыри вихрем налетают на врага и добьют его».

Этот список можно было бы продолжать до бесконечности. Движение помощи советскому народу было всенародным и шло от чистого сердца.

«Сердечное фронтовое спасибо вам, друзья араты, — писал трудящимся Монгольской Народной Республики командующий войсками Западного фронта генерал Конев, — за ваше горячее слово, за подарки... Пусть крепнет дружба свободолюбивых народов всего мира!».

Советские специалисты, работающие в Монголии в 1943 году, передали в фонд помощи 236 тыс. тугриков, досрочно оплатили свои облигации на сумму в 1 млн. рублей и тоже передали их в фонд помощи СССР.

Не менее важная забота была проявлена и об инвалидах Отечественной войны и детях-сиротах. Особенно много было сделано в этом деле женским активом. На границе СССР с МНР, в городе Кяхта, находились два детских дома, где воспитывалось 500 детей-сирот. Эти

детские дома находились на полном содержании советских женщин, проживающих в Селенгинском аймаке.

Женщинами совколонии было собрано и отправлено подарков инвалидам Отечественной войны и детям-сиротам в Улан-Удэ на сумму около 78 млн. рублей.

Само слово «сирота» теряло в это время право на существование. «Давайте выкинем это слово из нашего обихода, — говорила учительница Мария Михайловна Васильева. — Не может быть сирот в стране, где мы все матери... Давайте говорить о наших родных детях, а не о сиротах!».

Все, кто слышал эти простые, сердечные слова, не могли не почувствовать счастливой гордости за советского человека, за весь советский народ.

Нет, фашистам не удастся отнять у советских людей будущее, люди у нас сильны и на фронте, и в тылу. Бесконечны жизненные силы советского народа, а жизнь всегда побеждает смерть!

Отечественная война явилась серьезной проверкой дружбы монгольского и советского народов. Монголия была готова отправить свои войска на советско-германский фронт. Но они были нужны здесь. Войска Монголии стояли в полной боевой готовности на восточных границах, сдерживая авантюристические попытки японской военщины. Япония увязла в войне с США, однако в провинциях Северного Китая, вблизи монгольских границ, она имела крупные военные соединения, которые могли двинуться на Советский Союз. Присутствие монгольских войск сдерживало такого рода порывы...

9 мая 1945 г. весь мир праздновал победу. Гитлеровский строй рухнул. С главным агрессором было покончено.

Однако пламя войны еще пылало на Дальнем Востоке. Япония продолжала военные действия и не собиралась подписывать капитуляцию.

На Ялтинской конференции глав правительств СССР, США и Англии президент США Рузвельт и премьер-министр Англии Черчилль обратились с просьбой к Советскому правительству использовать Вооруженные Силы Советского Союза для ускорения капитуляции Японии. Советское правительство согласилось вступить в войну через два-три месяца после капитуляции Германии и окончания войны в Европе.

5 апреля 1945 г. народный комиссар иностранных дел СССР пригласил японского посла в СССР Сато и сделал ему от имени Советского правительства заявление о денонсации пакта о нейтралитете от 13 апреля 1941 г., неоднократно нарушавшегося Японией.

Необходимость вступления Советского Союза в войну против Японии могла бы отпасть, если бы Япония, учитывая уроки поражения фашистской Германии, сложила оружие. Однако японское правительство стремилось всеми средствами затянуть войну. Японские правящие круги рассчитывали на углубление противоречий в лагере союзников, на вооруженную мощь Квантунской армии, дислоцированной в Маньчжурии, на крепость ее оборонительных сооружений, а также на возможность сговора с великими державами о разделе Китая и тихоокеанских островов.

Советское правительство, руководствуясь благородными и гуманными целями скорейшего окончания второй мировой войны, решило объявить войну Японии.

8 августа 1945 г. министр иностранных дел СССР вызвал японского посла и заявил ему от имени Советского правительства, что с 9 августа Советский Союз будет находиться в состоянии войны с Японией.

10 августа 1945 г. войну Японии объявила и Монгольская Народная Республика.

9 августа войска двух Дальневосточных и Забайкальского фронтов во взаимодействии с Тихоокеанским флотом и Амурской речной флотилией, а также 80-тысячная армия Монгольской Народной Республики начали боевые действия против японских войск на фронте протяженностью более 5 тыс. километров. При поддержке мощного артиллерийского огня и авиации части Красной Армии прорвали долговременную, глубоко эшелонированную оборону противника на границах Маньчжоу-Го, форсировали реки Амур, Уссури, горный хребет Большой Хинган и, развивая стремительное наступление в глубь Маньчжурии, продвинулись вперед на 500—950 километров. Они освободили от оккупантов всю Маньчжурию, северные провинции Китая, большую часть Кореи, Южный Сахалин и Курильские острова. В боевых действиях монгольские воины показали себя достойными боевыми соратниками советских солдат.

19 августа штаб Квантунской армии заявил о готов-

ности капитулировать. 23 августа противник прекратил сопротивление, и вечером того же дня Москва салютовала войскам 1-го Дальневосточного, 2-го Дальневосточного и Забайкальского фронтов, морякам Тихоокеанского флота, Амурской речной флотилии и войскам Монгольской Народной Республики.

Шли годы... Монголия, страна чудес и древних сказаний, на моих глазах молодела, обновлялась, достигая современного уровня развития промышленности, экономики, культуры.

Там, где в степи раньше были видны лишь юрты кочевников, вырастали современные города. Индустриальный пейзаж в степях Монголии стал обычным явлением. Монголы по-прежнему любят ездить верхом на лошадях, однако более привычными средствами передвижения сегодня становятся автомашина, поезд, самолет. Яркие лампы дневного света на улицах, Государственный университет, Академия наук, семиэтажные здания, театры, музеи, Дворец спорта, стадионы. Разве все это может не вызвать волнения человека, отдавшего Монголии многие годы и полюбившего ее народ?

С сожалением уезжал я из страны, с которой нас, советских людей, связывает большая дружба, общие битвы с врагом и общая борьба за мир.

Самолет летит на Восток

В 1948—1949 годах я учился в Высшей дипломатической школе. Это были годы относительного затишья в мире. Но уже тлели новые очаги международных конфликтов. Дальнему Востоку, Юго-Восточной Азии суждено было стать на многие годы тревожными районами нашей планеты.

Агрессивные силы в США явно не желали примириться с революционными преобразованиями в Азии. Поражения Чан Кай-ши в Китае, победа китайской революции, рождение Корейской Народно-Демократической Республики, образование Демократической Республики Вьетнам, широкий размах национально-освободительного движения на островах Тихого океана — все это рвало цепи колониализма и не могло не вызывать яростного сопротивления империалистов.

Первой из реальных попыток пересмотреть итоги второй мировой войны, первой вылазкой против национально-освободительного движения в странах Восточной Азии была корейская война.

Сразу же после окончания войны с Японией американские империалисты начали приглядываться к Корее. Их не устраивало, что на севере страны установился демократический строй. С помощью Ли Сын Мана они надеялись уничтожить КНДР.

Специальный представитель президента Трумэна по вопросам репараций Поули в письме к президенту писал 22 июня 1946 г.: «Корея — небольшая страна, но она является театром идеологической войны, от которой могут зависеть все наши успехи в Азии». В своих предложениях, изложенных в этом письме, Поули намечал широкую программу политических и экономических мероприятий, направленных на установление американского господства в Корее, и намекал на возможность принятия с этой целью военных мер против Корейской Народно-Демократической Республики.

В телеграмме от 16 июля 1946 г. президент Трумэн отвечал Поули: «Я внимательно изучил Ваше информационное письмо от 22 июня 1946 г. относительно ситуации в Корее и согласен с Вами в том, что Корея, как Вы метко выразились, является „театром идеологической войны, от которой могут зависеть все наши успехи в Азии"». Касаясь предложений Поули, Трумэн указывал: «Вам будет приятно узнать, что большинство Ваших предложений по поводу определенных действий включено в пересмотренный план нашей политики в отношении Кореи».

В соответствии с намеченными планами в Южной Корее под руководством американских советников началась ускоренная подготовка вооруженных сил, увеличивался личный состав лисынмановской армии.

26 января 1950 г. между правительствами США и Южной Кореи было подписано соглашение о военной помощи, предусматривавшее поставку американского вооружения лисынмановцам.

Ли Сын Ман был уверен, что ему легко удастся разгромить КНДР и что поэтому откладывать поход на север не следует.

Еще кровоточили на теле народов раны, нанесенные второй мировой войной, светлый ум и мозолистые руки истинных хозяев земли не воссоздали еще всего того, что разрушила война, не высохли слезы на глазах матерей и вдов, детям еще снились беспросветные ночные затемнения и грохот бомбежек, а воротилы США снова держали на тонком, туго натянутом поводке смерть. 25 июня 1950 г. США были приведены в действие явные и скрытые пружины агрессии...

В Пекине мне было разрешено задержаться на несколько дней. Китайский народ праздновал первую го-

довщину образования Китайской Народной Республики.

Пекин тех дней был совсем не тем Пекином, каким его увидел бы сегодняшний путешественник. На стенах зданий висели лозунги и призывы, содержавшие слова благодарности советскому народу, нашей Коммунистической партии. Дружба — вот что было главным содержанием праздника.

Посол СССР в Китае Н. В. Рощин и первый секретарь посольства М. С. Капица (ныне заведующий отделом МИД СССР) познакомили меня с обстановкой в Китайской Народной Республике и с военным положением в Корее... Следующим городом на моем пути в Корею был Шэньян.

Шэньянь — один из крупнейших городов Китая. В 1950 году в нем насчитывалось свыше 1,5 млн. жителей, около половины которых составляло рабочее население, что отличало Шэньян от многих других крупных городов КНР.

Трудящиеся Шэньяна, Пекина и других городов, где нам пришлось побывать, питали глубокие чувства дружбы к советскому народу, видели в этой дружбе залог дальнейших успехов в деле строительства новой жизни и обеспечения мира на Дальнем Востоке.

Советский генеральный консул в Шэньяне А. М. Ледовский за несколько дней обстоятельно познакомил меня с городом, представил его руководителям. Это помогло в дальнейшей моей работе в КНДР. Дело в том, что через Шэньян из Советского Союза шла вся помощь корейскому народу в борьбе с американскими агрессорами. Это обстоятельство требовало от советских работников более глубокого и обстоятельного знакомства с положением в Северо-Восточном Китае.

После пятидневного пребывания в Шэньяне мы выехали на автомашине в город Аньдун (280 километров от Шэньяна). Дорога шла между двумя рядами высоких обрывистых гор, поросших соснами. Воздух чист и свеж, пропитан запахом хвои. Узкая, извилистая дорога, змейкой вьющаяся вокруг сопок, свернула влево, и вскоре мы оказались на гребне крутого перевала, обдуваемого ледяным ветром.

Сверкающие на солнце крыши Аньдуна мы увидели издалека. Аньдун несколько отличается от китайских городов. Именно здесь с наибольшей полнотой чувство-

валось дыхание корейской войны, вплотную приблизившейся к мирной китайской земле. Город напоминал прифронтовой рубеж. В нем не было окопов, баррикад и противотанковых заграждений. Но уже строились бомбоубежища; на крышах жилых зданий, фабрик, учреждений — посты противовоздушной обороны, на окнах — темные маскировочные шторы. В аньдунском небе часто проносились реактивные самолеты: шли учебные боевые полеты.

Все, с кем нам пришлось встречаться в Пекине, Шэньяне, Аньдуне и других населенных пунктах, были простыми людьми, тружениками полей, промышленных предприятий и строек. Многие из них не разбирались в тонкостях военного дела. Они растили урожаи, воспитывали юную поросль, строили новую жизнь, но все они хорошо понимали опасность, нависшую и над их страной, и были готовы беззаветно защищать свою землю. Здесь в Аньдуне, дыхание войны ощущал каждый...

Еще до рассвета, в четыре часа утра, наша машина пересекала мост через многоводную широкую Ялуцзян — естественную границу КНР и КНДР. Одна на другую набегали пенистые волны. И уже совсем близко, там, на противоположном берегу, раздавался пронзительный вой сирен. Он нарастал по мере приближения к корейскому берегу.

На земле Чосон

Последний метр моста — и наша машина на земле древней Чосон, что в переводе означает «Страна утренней свежести».

Контрольно-пропускной пункт в городе Сингисю. Корейские пограничники сосредоточены и гостеприимны. Их таможенные процедуры — четкие и необременительные. После них нам сразу же пора отправляться в далекий путь — в Пхеньян. Время дорого. Нельзя терять ни единой минуты: задачи, которые поставлены перед нами, огромны. Но, оказывается, автомашины ходят по корейской территории только ночью. Нам говорят, что и ночью подстерегают большие опасности: американские летчики

сбрасывают на дороги бомбы замедленного действия, всякого рода металлические «сюрпризы», прокалывающие автомобильные шины.

Пограничники рекомендуют не торопиться с выездом в Пхеньян до вечера. К ним присоединяются и руководители города Сингисю. Следуем доброму совету хозяев.

Солнце поднимается все выше. И хотя кругом золотится осень, его лучи греют по-летнему жарко. Мы идем по центральной улице города. Она вся изранена воронками, кругом руины, пепел. Черные следы варварских бомбардировок в лучах солнца видны особенно отчетливо. Вместе с нами председатель Городского народного комитета Пак. Его глаза зажглись гневом при виде руин. Он сказал: «Вот они „цивилизованные" янки. Они жгут, разрушают, сеют горе и слезы».

За двенадцать часов пребывания в Сингисю трудно представить себе полную картину жизни города, его труда, быта, обычаев и традиций. Корейские товарищи показали нам некоторые промышленные предприятия, познакомили с историей, географией, статистикой города.

Самые теплые чувства питали мы к этим людям, жившим и трудившимся под небом, опаленным жестокой войной.

Жители Сингисю — молодые и пожилые — проявляли неустанную жажду к жизни. Чуткое понимание красоты окружающей природы и вера в светлое будущее — эта черта характера улавливалась в улыбках, в суждениях и действиях рабочих, служащих, школьников, домохозяек...

Трудно изложить словами богатые, яркие впечатления дня, вернее тех двенадцати часов, которые мы пробыли в Сингисю.

Этот день, как и все другие дни, был полон больших забот и труда, перестроенного на рельсы военного времени. За короткий промежуток времени мы увидели поистине героическую работу строителей и защитников Корейской Народно-Демократической Республики.

Постепенно сгущаются сумерки. Пора двигаться дальше. Корейские друзья провожают нас. Минуты теплого прощания. Взмах флажка регулировщика, и машина тронулась в далекий и трудный путь.

Позади остались первые десятки километров. Начал моросить дождь. Шофер не включал фары. Казалось,

весь мир окутала серая пелена. «Газик» то с воем взбирался на холм, то молча скатывался вниз, чтобы потом, преодолев очередную ложбину, вновь выкарабкаться на возвышенность. Это напоминало плавание в лодке по неспокойному морю.

Часто встречаются группы людей, ремонтирующих железную дорогу, мосты, приводящих в порядок телефонные и телеграфные линии.

Мы едем по земле, на которой совсем недавно зверствовали американские агрессоры. На холмах видны траншеи, проложенные американцами. Уткнувшись в придорожный кювет стволом пушки, стоит подбитый американский танк. На некоторых участках пути, словно кресты, торчат, воткнувшись в землю, обломки самолетов, сбитых зенитками корейской Народной армии.

Сотни разрушенных сел... Руины. Среди хаоса битой черепицы, расщепленных бревен и размолотых в щебень каменных стен бродят заплаканные, но не сломленные горем люди, отыскивающие среди развалин родных и близких.

Дорога снова вьется среди холмов, взлетает на сопки, перебегает реки. Тревожно звонит колокол на сельской сторожевой вышке. «Летят», — говорит наш шофер Ваня Пасенков, прислушиваясь к нарастающему гулу. Машина сворачивает с основного тракта и подъезжает к деревне, прилепившейся к сопке. Дворики густо заставлены копнами рисовых снопов. Выходим из машины. Самолеты беспорядочно сбрасывают несколько бомб и улетают на юг, за черту 38-й параллели. Звучит отбой воздушной тревоги. Внезапно становится тихо, и вдруг в этой удивительной тишине раздается гудок паровоза: бодро стучат колеса на стыках рельсов, и к фронту на всех парах мчится груженый состав.

Мы снова в пути. Сотни грузовиков едут по дороге, и все они с грузом для фронта. Ехать трудно — часто встречаются бомбовые воронки. Ночью нельзя зажигать фары. Даже огонек папиросы считается преступлением, наказуемым законом военного времени.

Дорога, как целительный бинт, лежит на израненном теле страны. Она надежно охраняется корейскими воинами. Через определенные отрезки пути каждая машина провожается взмахом флажка: путь открыт. Но если над дорогой появляется американский самолет, гул моторов

которого не всегда может услышать шофер, регулировщики стреляют вверх и машины останавливаются.

Подъезжаем к Пхеньяну. Звучат десятки сирен: в небе американские бомбардировщики. Мы видим, как они сбрасывают на окрестности города напалмовые бомбы, которые, разрываясь в воздухе, заливают землю огненным дождем. Пираты стремились парализовать коммуникации Пхеньяна, по которым шло снабжение фронта. Но невозможно было сломить дух героического народа. На зверства янки он отвечал самоотверженным трудом, быстро восстанавливая поврежденные мосты, дороги, линии связи.

В пять часов утра мы прибыли в Пхеньян. Не прошло и двух часов, как американские самолеты подвергли новой зверской бомбардировке Пхеньян и его окрестности. В этот день я видел сотни убитых и раненых детей, женщин, стариков. Нельзя было без содрогания смотреть на людей, оплакивающих своих родных, близких, знакомых.

В тот день американцы обстреляли еще четыре города. На один лишь Сингисю обрушилось свыше 300 американских «летающих крепостей», пикирующих бомбардировщиков, штурмовиков и истребителей. Нам сообщили, что город почти полностью сожжен.

В одной из пхеньянских газет я прочел, что за ноябрь американские воздушные пираты сбросили только на Пхеньян, Вонсан, Хамхын и Чхончжин около 18 тыс. бомб, из них около одной трети напалмовых и бомб замедленного действия. Более 200 деревень были полностью снесены с лица земли.

На второй день нас пригласили осмотреть район севернее Пхеньяна. Здесь интервенты уничтожили несколько мирных населенных пунктов. Я видел окутанные огнем и едким дымом разрушенные жилые дома, школы, медицинские пункты. Тяжелые бомбы изрыли, перепахали крестьянские усадьбы.

Таковы были первые дни встречи с Кореей. Вслед за первыми впечатлениями началось знакомство с историей, географией, прошлым и настоящим страны, с ее героическими буднями.

Корея — полуостров, расположенный на востоке азиатского материка. Площадь Кореи равна 220,79 тыс. квадратных километров. С востока Корея омывается

Японским морем, с запада — Желтым, с юго-востока — Корейским проливом. Длина береговой линии — 8674 километра. Корея граничит с Советским Союзом и КНР. Граница Кореи с СССР на северо-востоке не превышает 16 километров. Граница с Китаем проходит на севере по верхнему течению реки Туманган, затем по горным хребтам Северо-Корейских гор и по реке Амноккан. Длина корейско-китайской границы — 1300 километров.

Каждый, кто видел Страну утренней свежести, не мог не любоваться ее чудесными горами и долинами. Горы и возвышенности занимают свыше 75% всей корейской территории, площадь равнин относительно небольшая. Я имел возможность побывать на побережье Желтого моря. Именно здесь, в западной части страны, простираются низменности, которые являются наиболее густонаселенными и освоенными районами.

В Корее много рек. Они преимущественно небольшие, порожистые и бурные, выходящие из берегов в период дождей и сильно мелеющие в сухое время года. Для судоходства пригодны лишь Туманган, Амноккан, Тэдонган, Ханган и некоторые другие реки.

Нам не требовалось много времени, чтобы ощутить благодатность корейского климата. Его можно охарактеризовать как переходный от морского к континентальному. Лето теплое, на юге жаркое. Наиболее холодные месяцы — январь, февраль. Крестьяне не жалуются, говорят, что климат благоприятен для развития сельского хозяйства. Южане рассказывали нам, что снимают два урожая риса в год. Кроме риса в стране культивируются ячмень, пшеница, просо, гаолян, овес, кукуруза, гречиха, соевые бобы, картофель, хлопок, лен, конопля. Прижились также технические культуры — подсолнух, свекла. Весной благоухают сады — цветут вишни, яблони, груши, персики.

Богат зеленый наряд. 70% территории Корейского полуострова занято лесами: от хвойных на севере до тропических и субтропических на юге страны.

Весьма разнообразен животный мир Кореи. Водятся здесь тигры, леопарды, рыси, барсы, медведи, дикие кабаны, горные антилопы, лисицы, волки, козы, зайцы и различные виды дичи. Богаты и прибрежные воды. Большое промысловое значение имеют сельдь, камбала, треска, навага, лососевые, а также крабы, креветки и др.

Разнообразны полезные ископаемые. Их залежи сосредоточены в основном в северной части страны. Запасы угля достигают 2 млрд. тонн, железной руды — свыше 1 млрд., магнезита — до 3 млрд. тонн. Имеются значительные месторождения золота, графита, фтора, вольфрама, молибдена, никеля, слюды.

По данным 1950 года, население Кореи насчитывало около 30 млн. человек, из них 97% составляли корейцы.

В сельском хозяйстве и рыболовстве было занято 65% населения страны, в промышленности и на транспорте — 12,5%.

Каждый день и месяц пребывания на корейской земле все более убеждали нас в том, что Страна утренней свежести накопила богатейшие сокровища самобытного искусства древней и средневековой архитектуры, дворцовой и храмовой живописи, керамики, разнообразных отраслей художественной промышленности: серебряных, лакированных, бронзовых изделий и вышивок.

Гордятся корейцы и кореянки своими национальными костюмами. Они созданы в древнейшее время. Но с ними не расстаются и ныне. Европейское же платье носит только часть населения в городах.

Национальный мужской костюм состоит из короткой куртки и широких шаровар, обычно из белой ткани. В костюме пуговицы и карманы заменены тесемками и кисетами. Поверх костюма надевается халат с отложным воротником и широкими рукавами, преимущественно светло-желтого или белого цвета. Мужской костюм довершают резиновые туфли без каблуков и шляпа.

Красочен и оригинален и женский национальный костюм. Он состоит из короткой шелковой кофты, длинных шаровар и надетой поверх них юбки. Цвет костюма зависит от возраста женщины. Девушки и молодые женщины носят цветные платья, пожилых можно видеть только в белых платьях. Независимо от возраста, корейские женщины причесываются одинаково. Густые черные волосы зачесываются кверху и связываются на затылке в массивный узел.

До 1950 года основная масса населения страны была сосредоточена в селах. Планировка сел отличалась беспорядочностью и отсутствием прямых улиц. Дома часто размещались в зависимости от рельефа местности; в больших селах они ставились очень близко друг к другу.

В иных случаях сельские строения вытягивались длинной улицей вдоль дороги.

Типичные крестьянские дома — одноэтажные, глинобитные. Только в горных районах Северной Кореи, богатых строевым лесом, можно было встретить рубленые постройки. Для покрытия домов обычно используется рисовая или ячменная солома, а иногда черепица, которую укладывают выпуклой стороной вниз, так что образуются ряды желобов.

Важнейшей составной частью каждого корейского жилища является кан — древняя восточноазиатская система отопления, использующая отходящие горячие газы кухонного очага. Под полом дома проходит разветвленный дымоход. Он выложен из кирпича или камня и соединяет кухонный очаг с трубой, расположенной вне дома. Пол согревается довольно хорошо и остается теплым продолжительное время, так что зимой температура в помещениях поддерживается без специальных затрат на отопление.

Особенностью корейских строений является также отсутствие застекленных окон. Их заменяют решетчатые рамы, оклеенные с обеих сторон прозрачной бумагой. Двери и окна раздвижные и отличаются друг от друга лишь своими размерами.

Таковы некоторые штрихи внешнего облика сел. Что касается городов, то у них свои особенности.

Городов в Корее мало, в 1950 году насчитывалось более 60 поселений городского типа. Все большие города расположены на морских побережьях или вблизи моря, на главном магистральном пути Кореи — от устья Амноккана на юго-восток полуострова, к Корейскому проливу.

По характеру планировки и архитектуры корейские города очень неоднородны. Центральные районы крупных городов обычно имеют современную европейскую систему прямоугольной или лучевой планировки улиц. Главные улицы широки, асфальтированы и застроены многоэтажными зданиями. Окраины же городов мало отличаются от сельских поселений.

Столица КНДР — Пхеньян. В условиях искусственного раскола страны Пхеньян является центром, аккумулирующим общие усилия корейского народа в борьбе за мирное воссоединение страны. Город расположен на живописных берегах реки Тэдонган, в 100 километрах от ее

устья. Это один из древнейших городов Кореи, имеющий большое количество исторических памятников. В 1950 году его население превышало 500 тыс. человек.

Пхеньян — важнейший промышленный и культурный центр, крупный транспортный узел.

Не только мне, очевидцу многочисленных бомбардировок Пхеньяна, но, думается, всем, побывавшим в этом городе в дни войны, трудно описать те страдания, которые выпали на долю пхеньянцев. Всю свою ярость и дикую злобу обрушили американские захватчики на этот древний и вместе с тем юный город, над которым впервые взвилось знамя народного государства. Они забрасывали его фугасными бомбами, заливали напалмом, свинцом, взрывали его площади и улицы бомбами замедленного действия. День и ночь воздушные пираты держали мирных жителей под страхом смерти.

Но город-герой не сдавался! Он жил, боролся, трудился, учился. Тысячи студентов слушали лекции в университете и других высших учебных заведениях, переехавших в горы. Дети продолжали учиться в школах. Ежедневно выходило несколько газет. Десятки тысяч метров тканей вырабатывала текстильная фабрика. Не прекращали работы банк, магазины, государственные учреждения, зарубежные представительства, аккредитованные в столице КНДР.

Добрым словом хочется вспомнить советских товарищей, которые в то время жили и работали в Пхеньяне, вместе с корейскими друзьями делили его горести и радости. Первым, с кем я встретился, был советский посол Терентий Фомич Штыков, проработавший в этой стране много лет. Все свои силы и опыт он отдавал делу укрепления братской советско-корейской дружбы. Его справедливо считали человеком большой души и высокой принципиальности, неутомимым тружеником.

В первое время, при приеме дел, мне пришлось встречаться с советником-посланником Григорием Ивановичем Тункиным. Он также пользовался заслуженным авторитетом у корейских государственных и политических деятелей.

В соответствии с существующей в КНДР практикой я нанес протокольные визиты Председателю Кабинета министров КНДР Ким Ир Сену и другим государственным и политическим деятелям, послам и советникам ино-

странных дипломатических представительств, аккредитованных в Пхеньяне.

Так началась моя дипломатическая работа в Корейской Народно-Демократической Республике.

С каждым днем все ярче раскрывалась передо мной летопись Страны утренней свежести.

Трудолюбивый народ Кореи веками мечтал о том времени, когда над его землей взойдет солнце свободы. С особой гордостью говорили корейцы о том, что долгожданное освобождение им принесли Вооруженные Силы Советского Союза.

Разгромив отборные войска милитаристской Японии, советские воины помогли изгнать оккупантов, навсегда покончили с почти сорокалетним игом японских колонизаторов.

Освобождение страны создало условия, обеспечивающие развитие Кореи по пути строительства социализма. В сентябре 1948 года на севере страны была провозглашена Корейская Народно-Демократическая Республика. Началась новая эра в жизни корейского народа, в его борьбе за независимость.

Все свои силы в области внутренней политики страна направила на расширение и закрепление демократических преобразований, развитие всех отраслей народного хозяйства, охрану и укрепление государственной и общественной собственности — основы народного хозяйства.

В КНДР были достигнуты большие успехи во всех отраслях народного хозяйства. Проведенные демократические преобразования создали широкие возможности для развития производительных сил и быстрого подъема экономики. По объему валовой промышленной продукции в первой половине 1950 года уровень 1922 года был превзойден на 26,8%.

Серьезные перемены происходили и в области сельского хозяйства. В начале 1950 года в Северной Корее впервые были созданы машинопрокатные станции, оснащенные машинами и сельскохозяйственными орудиями, полученными из СССР. Непрерывно рос национальный доход, увеличивался розничный товарооборот, улучшались условия жизни рабочих, крестьян, интеллигенции, всех трудящихся КНДР, неуклонно поднимался материальный и культурный уровень жизни народа.

В стране были созданы необходимые условия для развития национальной культуры, просвещения, народного образования. В 1950 году в начальных, неполных средних и средних школах обучалось около 2 млн. человек. По сравнению с 1944 годом число средних школ возросло в 20 раз, техникумов — в 12 раз. На территории Северной Кореи до ее освобождения высших учебных заведений не было вообще, а к 1950 году их число достигло 15. В высших учебных заведениях в 1950 году обучалось свыше 100 тыс. студентов. Забегая вперед, скажем, что сейчас в КНДР имеется 97 высших учебных заведений.

Большая работа проводилась по ликвидации неграмотности среди взрослых. В различного рода школах и на курсах к 1950 году обучалось свыше 3 млн. человек.

Но мирный труд корейского народа был нарушен войной, начавшейся 25 июня 1950 г. Вся страна поднялась на защиту своей свободы и независимости. Отбив наступление лисынмановских и американских войск, Народная армия Кореи перешла в наступление и к середине сентября освободила почти всю Южную Корею.

Но американские агрессоры не захотели считаться с волей корейского народа. Напуганный тем, что военная авантюра терпит провал, Пентагон поспешно бросил в Корею крупные сухопутные, военно-морские и военно-воздушные силы.

15 и 16 сентября американские и лисынмановские войска предприняли новое наступление и к ноябрю 1950 года в некоторых пунктах достигли северных районов Кореи.

25 ноября войска Народной армии Кореи, при активной поддержке китайских добровольцев, которыми командовал маршал Пын Дэ-хуай, ныне репрессированный группой Мао Цзэ-дуна, приостановив продвижение противника на север, нанесли ему мощный контрудар, переросший в наступление по всему фронту. К 7 декабря границы КНДР по 38-й параллели были восстановлены.

Еще не раз агрессоры предпринимали попытки перейти в наступление, но каждый раз терпели поражение. Правительство США не желало идти на прекращение войны. До заключения мирного договора героическому корейскому народу пришлось воевать еще более двух лет.

Агрессоры несли большие потери. Лишь с 25 июня 1950 г. по 1 февраля 1951 г. южнокорейские и американ-

ские войска потеряли убитыми и ранеными более 176 тыс. солдат и офицеров, из них 60 тыс. американцев; в плен было взято 42 тыс. солдат и офицеров, в том числе около 10 тыс. американцев.

В годы войны, как и в мирное время, руководящей и организующей силой были Трудовая партия — боевой авангард трудящихся — и правительство КНДР.

Делалось все для того, чтобы своевременно перестроить всю работу на военный лад, превратить КНДР в единый тыл, обслуживающий Народную армию, мобилизовать все силы корейского народа на справедливую войну за уничтожение лисынмановской банды, за изгнание американских интервентов с корейской земли, за воссоединение Севера и Юга страны.

Своей деятельностью в мирный и военный период Трудовая партия и правительство КНДР завоевали доверие и авторитет, показали способность осуществлять внутреннюю и внешнюю политику, соответствующую жизненным интересам трудящихся.

Освободительная война корейского народа явилась суровым испытанием материальных и духовных сил КНДР, проверкой ее прочности и жизнеспособности. Правительство и народ с честью выдержали это испытание.

От песчаных отмелей Желтого моря до крутых берегов Японского моря проходила извилистая линия корейского фронта. Бои, развернувшиеся в горах Кореи, по своим размерам превосходили некоторые известные в военной истории горные сражения.

Агрессоры, пытаясь прорвать фронт то у Восточного побережья, то у Кымхва — узла стратегических дорог, то на центральном участке, то на западе, повсюду терпели поражение, встречая нарастающий решительный отпор.

Бойцы Народной армии надежно удерживали господствующие высоты и перевалы, проходы и удобные пути движения к фронту. Их оборонительные позиции были оборудованы с расчетом обеспечения многоярусного огня и круговой защиты. Солдаты жили в пещерах и гротах, спали на подстилках из хвои. Несмотря на каменистость грунта и трудность земляных работ, почти у каждого имелся индивидуальный окоп, надежно прикрывавший от снарядов и бомбовых осколков.

Мне рассказали о таком эпизоде. В районе Кымхва, поддерживая атаку против одной из безымянных высот,

предпринятую усиленным пехотным батальоном, американские артиллеристы за день обрушили на эту высоту 20 тыс. снарядов. Огонь велся при помощи самолетов-корректировщиков. Лес, покрывающий сопку, загорелся, и все скрылось в синем тумане едкого дыма. Командир роты, оборонявшей сопку, при первых залпах вражеских орудий, оставив в укрытиях дозоры, увел роту в «мертвое» — непростреливаемое — пространство на обратные склоны высоты. Но, как только штурмовые группы американцев короткими перебежками начали наступление, обороняющаяся рота, перевалив через гребень, быстро заняла свои позиции и встретила атакующих шквальным ружейно-пулеметным огнем.

20 раз возобновляли американцы атаку, и каждый раз, неся большие потери от плотного минометного и пулеметного огня, откатывались на исходный рубеж. В перерывах между атаками на помощь американцам приходила авиация. Самолеты сбрасывали на защитников высоты баллоны с напалмом. Горели уцелевшие кусты и деревья, накалялся гранит. Но корейские солдаты оставались стойкими перед адским пламенем.

Так было на многих участках корейского фронта. Народная армия начиная с марта 1951 года находилась в активной обороне. Ее войска максимально использовали преимущества горно-лесистой местности, бездорожье, ущелья и теснины. Труднодоступные, казалось бы, непроходимые районы выносливые корейские солдаты успешно использовали для внезапных смелых обходов и выходов в тыл врага. Бесшумно действуя под покровом ночной темноты, дерзкие смельчаки окружали подразделения агрессоров и уничтожали их.

Не сумев сломить сопротивление корейских войск в открытом бою, американцы, грубо попирая нормы международного права и человеческой морали, применили против корейского населения варварское бактериологическое оружие и отравляющие вещества.

Пустив в ход это бесчеловечное оружие массового истребления, американские захватчики делали ставку на то, чтобы запугать корейский народ, подорвать его боевой дух и волю к победе.

Чтобы представить себе масштабы неслыханного в истории войны злодейского преступления, совершенного американскими вдохновителями бактериологической вой-

ны, достаточно привести лишь один пример: за два месяца — с 28 января по 31 марта 1952 г. — американская авиация более чем в 400 различных пунктах северной части страны свыше 700 раз сбрасывала бактериологические бомбы и различные предметы, зараженные смертоносными микробами.

10 июля 1952 г. в Пхеньяне открылась выставка, рассказывающая о бактериологической войне, ведущейся американскими агрессорами. Я присутствовал при открытии этой выставки и видел «ядовитых бактериологических солдат» президента Трумэна, как их назвал министр здравоохранения КНДР.

В прозрачных стеклянных банках и пробирках длинными рядами, опоясывающими большой зал, «выстроились» короткокрылые кузнечики, черные жуки, тощие пауки, рябые, черные и серые мухи, которые, еще два месяца назад сброшенные американскими летчиками над Кореей, грозили людям смертоносными укусами. Теперь, обезвреженные, мертвые, они были выставлены как доказательство чудовищных злодеяний американских интервентов.

Экскурсовод Ким Вок Тек подвел посетителей к стенду, на котором представлены различные виды пауков и мух. «Этих пауков, — поясняет Ким, указывая на конусообразную стеклянную банку, — корейские эпидемиологи подобрали близ деревни Баламни уезда Аньчжэнь 18 февраля 1952 г., сразу же, как только улетели американские самолеты. А вот, — продолжает он, — самый многочисленный черный легион генерала Риджуэя — мухи, зараженные бактериями чумы, холеры и дизентерии».

На выставке экспонировались многочисленные вещественные доказательства того, что трумэновские вояки в своих планах бактериологической войны отводили большое место и заражению скота, птицы, посевов, водоемов, садов.

Мне пришлось видеть «ядовитых бактериологических солдат» Трумэна не только на выставке, но и непосредственно в районах, в которых американские летчики сбрасывали насекомых, в частности в окрестностях деревни Енидри уезда Муньчхонь. Здесь была обнаружена бомба, начиненная мухами и слепнями, зараженными бактериями таких страшных болезней, как чума и дизентерия.

Возмущение охватывало посетителей, когда они смотрели на эту «деятельность» американских изуверов. Американцы использовали Корею как опытное поле для применения бактериологического оружия, для испытания различных видов этого оружия и для определения эффективности его действия.

В 1951—1952 годах мне пришлось много ездить по стране. Я исколесил всю северную часть Кореи и своими глазами видел чудовищные преступления американской военщины.

Условия работы в Корее были трудными для всех, в том числе и для дипломатов. Одним из важнейших условий успеха в работе мы, советские дипломаты, считали живое общение с людьми, тесные контакты с корейскими товарищами в центре и на местах. Поездки по стране способствовали усилению контактов.

Расскажу лишь об одной из них.

...Весна 1951 года. Наш «газик» взял курс на север. Вместе со мной едет корреспондент «Правды» Алексей Матвеевич Ткаченко.

Щедро греет солнце. Хотя корейская земля изранена, а города стоят в руинах и покрыты пеплом, на полях зеленеет рис, в новый наряд одеваются сады и леса. Наперекор американцам, сеющим кровь и смерть, слезы и горе, весна принесла корейскому народу много ярких цветов и пышной зелени, бодрости и светлых надежд.

В пути мы продолжали следить за сводками Главного командования корейской Народной армии. Они свидетельствовали, что корейские воины наращивали мощь ударов по врагу. Здесь, в тылу, мы видели, как самоотверженно, не покладая рук, трудились рабочие, крестьяне, служащие, люди всех профессий. Их ударный труд помогал фронту.

Мой спутник высказал пожелание посетить Государственный университет, после первых же налетов американской авиации на Пхеньян эвакуированный в горы.

Стояла тревожная и суровая осень 1950 года, когда коллектив университета с горечью простился с Пхеньяном, уходя в горы на север страны. Условия эвакуации были неимоверно тяжелыми. Не хватало транспорта. Над каждой железнодорожной станцией, над каждой дорогой днем и ночью кружили американские бомбардировщики, штурмовики, истребители. Путь лежал через горные тро-

пы, перевалы, ущелья. Люди несли на спинах, везли на скрипучих одноколках приборы, учебники, карты, наглядные пособия.

Американцы, временно захватившие Пхеньян, взорвали корпуса университета, разграбили библиотеку, насчитывавшую свыше 100 тыс. томов, уничтожили лаборатории, вывезли из них дорогостоящие приборы, вырубили и сожгли университетский парк.

«Народный университет должен и будет жить, народный университет должен и будет готовить кадры!» — этот призыв ЦК Трудовой партии Кореи вдохновлял студентов и преподавателей на то, чтобы быстрее возобновить учебу на новом месте.

И вот началась вторая жизнь университета. Высокие горы служили как бы щитом, закрывающим от вражеской авиации узкое ущелье, где в небольших глинобитных крестьянских домиках расположились теперь учебные аудитории, лаборатории, кабинеты, общежития, студенческие столовые.

Первое время не хватало учебников: пять-шесть студентов занимались по одной книге. Не хватало бумаги. По вечерам не было света: американская авиация разбомбила электростанцию.

Но весть о том, что университет живет, вдохновляла корейский народ. Бесперебойно снабжая фронт боеприпасами, обмундированием и продовольствием, труженики города и деревни посылали студентам рис, бумагу, обувь, одежду, свечи, карандаши. Из Советского Союза и других социалистических стран приходили подарки: приборы для научных лабораторий и кабинетов, учебные пособия, медикаменты.

Мы едем в университет уже более суток. Позади осталось много городов и сел. Почти все они разрушены и сожжены интервентами. На дорогах все чаще встречаются девушки и юноши. Кто идет с чемоданчиком, кто со связкой книг. Многие несут на спине увесистые связки хвороста, соломенные мешки с картофелем, луком.

Видим девушку лет девятнадцати. Положив на землю хворост, она вытирает платочком влажное лицо, поправляет пряди волос. Знакомимся. Это студентка университета Пак Ен Не. «Это наше университетское топливо, — говорит она. — Вот таких связок мы уже заготовили сорок тысяч...».

Полтора-два часа спустя мы снова встретились со студенткой Пак Ен Не, на этот раз в кабинете профессора То Сан Нока. Причесанная, в наглаженном платье, она перелистывала тетрадь с конспектами.

Направляемся на экономический факультет. Входим в учебную аудиторию. Пол ее аккуратно застелен соломенными циновками. За каждым из длинных тесовых столов сидят по пять студентов. Они слушают и записывают лекцию, которую читает сухощавый, с седыми висками мужчина. Тема лекции: «Преимущества плановой системы народного хозяйства».

Студенты и научные работники химического факультета рассказали, что они заняты решением вопросов, связанных с задачами восстановления и развития промышленности, помощи трудовому крестьянству в применении достижений науки в земледелии. Американские интервенты разрушили крупнейший Хыннамский комбинат химических удобрений, снабжавший всю страну суперфосфатом. Проблема удобрения полей стала исключительно острой, и химический факультет уделяет ей много внимания. Об этом позже нам говорили и в министерстве сельского хозяйства КНДР.

Когда американские агрессоры применили в Корее бактериологическое оружие, перед научными работниками кафедры химии встала новая ответственная задача: разработка мероприятий по борьбе с насекомыми, зараженными бактериями эпидемических заболеваний.

«Перенимая советский опыт связи науки с практикой, творческого содружества ученых с производством, — сказал нам ректор университета, — наш коллектив, несмотря на большие трудности военного времени, постоянно укрепляет связи с инженерами, геологами, рабочими рудников и приисков».

Преподаватели, аспиранты, студенты — частые и желанные гости на предприятиях. Они выступали с лекциями, докладами, знакомились с опытом передовиков производства.

Мы встречались с будущими учеными Народной Кореи — аспирантами университета. Трудно в горах, вдали от культурных и производственных центров, работать над диссертациями. Не хватало научной литературы, справочников. Не было в достаточном количестве необходимых инструментов и приборов для исследовательских ра-

бот. И тем не менее аспиранты не прекращали работы над избранными темами.

Нам рассказали о сложной судьбе диссертации аспиранта Сен Ки Ен. Темой диссертации был исторический обзор демократической литературы Кореи. В 1950 году, когда Сен вместе с коллективом университета эвакуировался на север, во время американской бомбардировки у него сгорело все имущество, в том числе и сумка, где хранились написанные главы диссертации. Работу пришлось начать заново. Двенадцать суток пешком пробирался Сен Ки Ен по сопкам в один из самых северных городов Кореи, где хранились государственные архивы и библиотеки. Кропотливый труд принес свои плоды: диссертация Сена получилась глубокой, содержательной.

Серьезную научную работу вели профессора и преподаватели университета. Профессор Ким Ван Чин завершил докторскую диссертацию по истории, преподаватель Ли Сен Хун — по химии. 40 преподавателей готовили кандидатские диссертации.

Ведущая роль в учебе и научной работе принадлежала членам Трудовой партии Кореи. Среди студентов, аспирантов и преподавателей насчитывалось более 600 коммунистов. Партийный комитет здесь по праву называли душой университетского коллектива.

Нелегко было учиться в условиях непрерывных налетов американской авиации. Но мужественные люди не прекращали учебы. Университет жил, действовал. На десяти его факультетах получали знания тысячи юношей и девушек...

На обратном пути мы решили навестить город-герой Сингисю. Несколько месяцев я не был в здешних краях. Передо мной знакомые улицы города. Они еще более изранены, здания зияют пробоинами. Деревья обуглены.

Жители рассказали о налетах американской авиации на Сингисю 17 ноября 1950 г. В этот день американские воздушные пираты сбрасывали на город свой адский груз, не целясь. Им было все равно: будет убит старик или только что появившийся на свет младенец, разрушит бомба землянку-убежище, госпиталь или школу. Город напоминал кладбище с печальными памятниками черных печных труб. Но что это? Одна землянка, вторая, третья... Целая улица временных жилищ, прилепившихся у каменных руин, и над каждой дверью номер, как в настоя-

щем доме. Навстречу шел почтальон с толстой сумкой, набитой письмами и газетами, как будто в этом трагическом городе ничего не случилось. Женщины в бомбовых воронках пекли сладкий картофель, готовили яичницу с зеленым луком, стирали детские рубашонки.

Со стесненным сердцем шли мы среди леденящих душу развалин. Шли по кускам асфальта, напоминавшим, что когда-то здесь были улицы большого города.

Серая глыба обвалившейся стены со следами ярких полос преграждает путь. На этом месте была больница, где еще недавно лежали раненые бойцы Народной армии. А чуть дальше, на месте школы, зияют огромные ямы. Повсюду ямы, бесчисленное множество ям, воронок. Лицо города словно покрыто черной оспой...

Не раз на землю Кореи вторгались полчища варваров, но американские завоеватели своей жестокостью превзошли всех. «То, чего стыдились варвары, — заявил нам секретарь городского партийного комитета Ким Сен Хва, — сделала кичащаяся своей цивилизацией американская военщина».

Но напрасно заокеанские бизнесмены, для которых доллар — бог, честь и совесть, пытались поставить корейский народ на колени. Ни бесчеловечные массовые убийства, ни ужасы войны не сломили воли и решимости корейского народа добиться победы над захватчиками, посягнувшими на их честь, свободу и независимость. Время не выветрит тягостных воспоминаний советских людей, которые своими глазами видели преступления американской военщины. Сколько мы видели по корейским дорогам сожженных американцами мирных селений и городов, скорбных взглядов вдов и сирот!

Остановить поступательный ход истории, огнем и мечом истребить корейский народ, твердо решивший идти дорогой социального прогресса, круто повернуть корейский народ к черной тьме средневекового варварства — такой была основная цель американских интервентов. Но им не удалось осуществить эти бредовые планы.

В те дни, проезжая по горящей земле Корейской Народно-Демократической Республики, мы видели, как умеют самоотверженно сражаться корейские воины и как, не покладая рук, забыв об усталости, трудится этот героический народ в тылу.

В Корее говорят: «Когда воруешь поздно ночью,

знай — во дворе все равно будет рассвет, и вору не ускользнуть». Заокеанские грабители и убийцы залезли ночью в чужой дом, забыв, что утром их не скроет спасительная темнота. «Корея — маленькая страна, — говорили нам корейцы, — но для каждого интервента здесь найдется деревянный крест и два метра сырой земли...».

Со временем крепло мастерство Народной армии. Корейские зенитчики научились сбивать «летающие крепости» и «кресты», пилотируемые американскими асами. Кончились времена, когда воздушные разбойники почти безнаказанно летали над корейской землей. Отряды стрелков — охотников за самолетами во взаимодействии с зенитными частями, а также истребительные авиационные части корейской Народной армии стали грозной силой в борьбе с вражеской авиацией.

Потери американской авиации росли. За двадцать месяцев войны, как сообщалось в печати, зенитные части и отряды стрелков — охотников за самолетами сбили и повредили свыше 2300 американских самолетов. Американцы были вынуждены изменить свою военную тактику — они стали охотиться за автомашинами и бомбить населенные пункты только ночью. Учитывая это, мы выехали из Сингисю в шесть часов утра.

Следующий город на нашем пути — Нампхо. Километрах в трех-пяти от города нашему взору открылись огромное зарево и тучи дыма. Горят деревья, кустарники, крестьянские домики.

Подъезжаем к подножию высокой горы, окутанной густым черным дымом. Отблески яркого пламени ложатся на измученные, сумрачные лица мужчин, женщин и детей, суетящихся у трупов.

24 американских самолета налетели на деревню, когда люди еще спали. Сделав несколько заходов, воздушные пираты сбросили на крестьянские дома сотни бомб.

В тот же день американская авиация подвергла обстрелу и бомбежке Нампхо. Заокеанские налетчики полностью сожгли и разрушили почти весь город.

Вблизи города, на высоком холме, хоронили убитых. Мы видели, как гневно сжимались кулаки людей, стоявших у могил, слышали проклятия в адрес убийц.

Ужасающее зрелище представляли и другие города и поселки, в которых нам пришлось побывать за время нашей поездки по северной части Кореи.

Некогда мирная корейская земля как бы перепахана гигантскими бульдозерами. Кругом воронки в 6—8 метров диаметром и глубиной до 4—5 метров. Размолоты в щебень строительные камни. Вырваны с корнем и обуглены дубы, кедры, каштаны.

По дорогам и на полях американские танки с раскрошенными гусеницами, изуродованными стволами пушек, трупы американских и лисынмановских солдат и офицеров. Захваченные в плен американские летчики откровенно заявляли, что верховное командование «войск ООН» в Корее отдало приказ «сжигать и разрушать каждую деревню, каждый уцелевший дом, уничтожать все живое». Штаб Риджуэя ввел так называемую «свободную охоту», суть которой заключалась в том, что каждый летчик имел право самостоятельно действовать при выполнении боевых ночных заданий, то есть выискивать «цели» и уничтожать их.

Показательны такие сведения, опубликованные в пхеньянских газетах. Только в 1952 году в налетах на Северную Корею участвовало более 1190 самолетов. На один лишь Пхеньян и его пригороды было сброшено 52 380 бомб. Если принять во внимание, что территория Пхеньяна не превышала 52 квадратных километров, то простой подсчет показывает, что на каждый квадратный километр земли упала тысяча бомб!

29 октября 1952 г. в середине ночи американская авиация произвела еще один массированный налет на Нампхо. Бомбардировка производилась волнами до пяти часов утра. В налете приняло участие двенадцать «летающих крепостей». Вместе с советскими корреспондентами я находился в этом районе. Утром все вокруг было окутано огнем и дымом. Все сгорело дотла: наша землянка, автомашины. Не уцелел даже журавль у колодца, из которого мы брали воду. Под развалинами домов от осколков снарядов, от пуль погиб каждый третий житель.

В одной из воинских частей нас познакомили со стрелками-охотниками. Среди них был дважды Герой Корейской Народно-Демократической Республики Ким Ги У. На его счету 11 сбитых американских самолетов. Его боевые друзья Ким Ю Ман, Ким Хен Бо, Ким Ен Кан сбили по нескольку самолетов каждый.

Корейские бойцы были всегда начеку. Ни днем, ни ночью не разлучались они со своими ружьями и пулеме-

тами. Постоянная боевая готовность считалась незыблемым законом для каждого, будь то наблюдатель или наводчик, заряжающий или подносчик боеприпасов.

Мы побывали в соединении Народной армии, которым командовал генерал Ли Ен Хо. Командующий артиллерией соединения посоветовал познакомиться с «отрядами смелых и неуловимых», как их здесь называли, — со стрелками-охотниками зенитной части под командованием офицера Чо Иль Нама. Эта часть обеспечивала противовоздушную оборону одного из важнейших участков фронта. Направляемся в горы на позиции части Чо Иль Нама. В редеющей мгле все отчетливее различаются контуры остроконечных громад — сопок. Слева и справа — окопы, траншеи, ходы сообщения, врезанные в гранитное тело горы. Выше расположены боевые позиции, а еще выше, почти на гребне — наблюдательные посты. Здесь мы и встретились с Чо Иль Намом.

«Не в добрый час вы нас навестили, — улыбаясь, дружески протягивая нам руку, сказал он. — Сегодня здесь будет жарко. Погода ясная, американцы в такие дни обычно делают не менее двухсот самолето-вылетов».

Как бы в подтверждение его слов с юго-востока донесся гул моторов. Наблюдатели сообщили: к сопке приближаются под прикрытием истребителей 20 американских бомбардировщиков.

Спокойным голосом Чо подал команду изготовиться к бою, и гора, на которой только что царила тишина, мгновенно ожила. Когда самолеты снизились до 600—800 метров, дружно заработали зенитки, тяжелые и легкие пулеметы. Шесть истребителей вспыхнули и, оставляя за собой черные клубы дыма, стремительно нырнули вниз. Одному бомбардировщику удалось сбросить на высоту осколочные бомбы, но они не попали в цель.

К исходу боя мы смогли побеседовать с Чо и его бойцами. Это были настоящие патриоты своей родины. То же самое можно сказать и о саперах подразделения Юн Чун Сена, обезвредивших только за один месяц более 800 вражеских мин, о связистах роты Мин Пьен Эна, обеспечивавших в условиях горной местности четкую связь.

Ким Чан Квор, подобно легендарному Герою Советского Союза Александру Матросову, закрыл своим телом амбразуру вражеского дота. Президиум Верховного

народного собрания КНДР высоко оценил героический подвиг Ким Чан Квора, посмертно присвоив ему звание Героя КНДР.

Много сделали для победы и герои-летчики Ким Ги Ок и Ли Мун Сун, отважный командир разведывательной роты Ким Бон Хо, моряк Герой КНДР Ким Гун Ок и многие другие.

А корейские женщины! В священной освободительной войне они принимали самое активное участие. Нет такого участка борьбы, такой отрасли хозяйства, где бы корейские патриотки ни выполняли большую и ответственную работу. Вместе с мужчинами они отважно сражались в партизанских отрядах, работали медсестрами и санитарками на фронте и в тыловых госпиталях, водили железнодорожные эшелоны с оружием, возделывали поля, выполняли трудоемкие работы по ремонту мостов, дорог, переправ, ухаживали за ранеными и воспитывали детей, вели научную работу в университете и институтах, шили для Народной армии обмундирование.

Вся страна знает имена партизанок Чо Ок Хи и Ли Су Дек, первой кореянки-летчицы Тхэ Сон Хи, фронтовых медсестер Ли Сун Ним и Гук Син Бок, машиниста паровоза Пак Чун Воль, первой в Корее героини труда текстильщицы Тан Ун Сир, передовиков земледелия Ким Рен Хе, Хо Кын Не, Чен Чан Ок, добившихся рекордного урожая риса и высоких показателей в развитии животноводства, и др.

По инициативе Демократического женского союза, объединившего в своих рядах свыше 2 млн. работниц, крестьянок и служащих, в городах и селах были созданы женские дружины. Они оказывали помощь частям народной армии. Только в одной провинции Канвондо работало более 16 тыс. таких дружин.

Для корейской молодежи война также явилась серьезным испытанием. Юноши и девушки Кореи проявляли самоотверженность в боях и в труде. Они доказали свою готовность отдавать все силы, даже жизнь, во имя свободы и независимости любимой родины, продемонстрировали свою верность народу.

Десятки тысяч юношей и девушек были награждены орденами и медалями за отвагу и геройство, проявленные на фронтах войны. Только за первый год войны 200 молодым бойцам было присвоено высокое звание Героя

КНДР. Тысячи юношей и девушек были награждены орденами и медалями за трудовую доблесть.

Девушки плечом к плечу с юношами работали у станков, на полях, на рудниках и шахтах, заменяя ушедших на фронт братьев, отцов и мужей. Молодые патриотки не покидали своего поста под бомбардировками и пулеметными обстрелами, глубоко сознавая, что их труд необходим родине и фронту для победы над врагом.

Демократический союз молодежи проводил большую работу по сбору подарков фронтовикам.

В первых рядах борьбы против американских империалистов заняли свое место и лучшие литераторы Кореи. Их могучий голос рождал в сердце корейских патриотов уверенность в победе. На весь мир прозвучали слова писателя Ли Ги Ена, заявившего от имени всего корейского народа на сессии Бюро Всемирного Совета Мира: «Мы требуем, чтобы люди, прибегнувшие к бактериологическому оружию, были объявлены преступниками... Надо спасти мир от страшной угрозы бактериологического оружия. Этого требуют совесть, разум, будущее человечества! И в этой борьбе не должно быть людей нейтральных».

Во время войны возмужала корейская литература. Произведения корейских писателей звали к непримиримой борьбе с интервентами.

Прочитав рассказ Хан Бон Сика «Отец», можно почувствовать, как велика, как неистребима ненависть корейского народа к захватчикам. «Записки военного корреспондента», очерки «У реки Кымчан», «Дни и ночи» и многие другие произведения корейских писателей ярко и убедительно показывают боевые дела бойцов Народной армии, их славные подвиги.

Каждый, кто был на корейской земле в дни войны, не мог не видеть, что важнейшим фактором в успешной освободительной борьбе корейского народа являлась огромная помощь и поддержка лагеря социализма, укреплявшие в сердцах корейского народа веру в победу.

После того, как американские империалисты начали вооруженное нападение, Советский Союз значительно увеличил поставки необходимых товаров корейскому народу. В 1951—1952 годах в КНДР было прислано большое количество промышленного оборудования, медикаментов, медицинских инструментов и др. Летом 1952

года СССР для облегчения тяжелого продовольственного положения в качестве дара корейскому народу прислал 50 тыс. тонн муки.

Большую помощь корейскому народу оказала и Китайская Народная Республика. Китайский народ прислал корейскому народу десятки тысяч тонн продовольствия, свыше 500 тыс. комплектов ватной одежды и обуви.

Значительную материальную помощь оказали КНДР и народы Болгарии, Венгрии, ГДР, ДРВ, МНР, Польши, Румынии, Чехословакии и других стран, посылающие корейскому народу продукты, ткани, одежду, обувь, медикаменты и другие необходимые товары.

Народы социалистических стран брали на воспитание корейских детей, осиротевших в годы войны, окружив их отеческой заботой.

Социалистические страны направляли в Корею медицинские бригады. Мне часто приходилось бывать в советском, чехословацком, польском, болгарском, румынском и других госпиталях. Я видел, как день и ночь врачи вели бой за спасение жизни каждого корейского бойца, партизана или партизанки.

Такая помощь являлась проявлением подлинной интернациональной дружбы и сплоченности между народами лагеря социализма.

Ленинские идеи интернационализма, уважения равенства и суверенитета народов, взаимной помощи братским народам, международной солидарности трудящихся в их борьбе за социализм и национальное освобождение от гнета и эксплуатации являлись неиссякаемым источником сил корейского народа.

На международной арене страны социализма во главе с Советским Союзом также оказывали корейскому народу большую поддержку.

С самого начала агрессии, еще в июле 1950 года, Советское правительство предлагало прекратить огонь и приступить к мирным переговорам. Но империалисты, возлагая несбыточные надежды на быстрое порабощение корейского народа, и слышать не хотели о перемирии.

С предложениями о немедленном прекращении войны выступили также Индия и другие миролюбивые страны.

В сентябре 1950 года делегация СССР внесла на рассмотрение Генеральной Ассамблеи ООН от своего имени

и от имени Украины, Белоруссии, Польши и Чехословакии проект резолюции о мирном урегулировании корейского вопроса. В этой резолюции воюющим сторонам предлагалось немедленно прекратить военные действия, а правительству США — вывести свои войска из Кореи. Но и в тот период США не собирались прекращать войну. 15 декабря 1950 г. правительство США ввело у себя в стране «чрезвычайное положение» и приступило к разработке плана перенесения военных действий на территорию КНР.

Новая мирная инициатива СССР последовала 23 июня 1951 г. Советский представитель в ООН заявил, что в качестве первого шага в урегулировании корейской проблемы «следовало бы начать переговоры между воюющими сторонами о прекращении огня, о перемирии с взаимным отводом войск от 38-й параллели».

Поражение американских войск, обострение противоречий между государствами — участниками интервенции и рост движения за прекращение войны в Корее — все это вынудило правительство США рассмотреть новые мирные предложения Советского правительства. 25 июня 1951 г. президент Трумэн, выступая с речью о политике США, сказал: «В настоящее время мы готовы присоединиться к предложению о мирном урегулировании корейского конфликта». А 30 июня и 1 июля 1951 г. состоялся обмен заявлениями между командующими «войсками ООН» и войсками корейско-китайской стороны о времени и месте переговоров.

Переговоры проходили в городе Кэсоне с 10 июля по 23 августа 1951 г., когда они были прерваны американской стороной.

Командование Народной армии, выражая неизменную волю корейского народа к миру, посылая на переговоры свою делегацию, уполномочило ее приложить максимум усилий и доброй воли для того, чтобы на разумных, справедливых основах заключить соглашение о перемирии и тем самым сделать первый необходимый шаг по пути мирного урегулирования корейского вопроса.

Когда начались переговоры, обнаружилось, что американская сторона явилась на них с хитро задуманным планом. Сущность его кратко можно передать так: немедленное заключение перемирия на американских ус-

ловиях; если же северокорейцы воспротивятся такому решению вопроса, американской стороной в ход будет пущена тактика проволочек, шантажа, провокаций, военного нажима — авось северокорейцы испугаются и согласятся на американские условия. А если не согласятся? Тогда никакого перемирия, продолжение агрессии в еще более жестокой форме.

Корейская делегация с самого начала ясно и твердо дала почувствовать, что она пришла на переговоры не ради того, чтобы торговать территорией своей родины или отдавать ее бандам Ли Сын Мана.

Делегация Народной армии Кореи вопреки грубому, порой возмутительному поведению американских представителей проявила железную выдержку и настойчивость в сочетании с доброй волей, добиваясь справедливого решения всех вопросов, стоящих на повестке дня переговоров. В результате переговоров в городе Паньмыньчжоне, возобновившихся в октябре 1951 года, были решены все вопросы повестки дня, за исключением одного — о военнопленных. Американцы без всяких оснований отказывались принять справедливые предложения корейской стороны, вытекающие из общепризнанных международных конвенций. Отвергая Женевскую конвенцию, не считаясь с нормами человечности и попирая их, американские захватчики стали на путь подлогов.

Не было никаких сомнений в том, что переговоры о перемирии американцы затягивали преднамеренно. Империалисты США под вывеской переговоров в Паньмыньчжоне пытались скрыть от народов свою политику затяжной войны в Корее и расширения агрессии в Азии. Затяжная война, вызывавшая бедствия и страдания корейского народа, напряженность положения на Дальнем Востоке и во всем мире были выгодны монополистам США. Торговцы смертью наживались на увеличении военного производства, получая колоссальные прибыли.

Американские миллиардеры, начав агрессивную войну в Корее, приносившую колоссальные барыши, не желали упускать этот «золотой случай». Они с тревогой встречали каждый намек на возможность перемирия в Корее. Президент Трумэн на одной из пресс-конференций подчеркнул, что перемирие в Корее замедлило бы осуществление американской программы вооружения и что это было бы самой большой катастрофой для США.

С начала войны в Корее колоссально возросли прибыли капиталистических монополий США. По официальным данным, общая сумма прибылей монополий за 1951—1952 годы была выше, чем в любой предыдущий период. В 1952 году общая сумма прибылей американских корпораций составила 40,8 млрд. долларов против 27,1 млрд. в 1949 году и 6,5 млрд. в 1939 году. Таким образом, война в Корее являлась источником обогащения монополистов, обогащения, побившего все рекорды наживы в истории США.

Корейский народ, отстаивавший свою свободу и независимость, с оружием в руках спасавший свою родину от американского варварства, боролся вместе с тем и за мир на Дальнем Востоке, за мир во всем мире. Все честные люди на земле, все сторонники мира были солидарны с корейским народом, ибо он боролся за правое дело.

Народы мира уже многое знали о том, какими методами американские захватчики ведут войну в Корее. Делегации Международной демократической федерации женщин, Международной ассоциации юристов-демократов, представитель Всемирного Совета Мира Ив Фарж, многие ученые, журналисты и писатели, побывавшие в КНДР в годы войны и своими глазами видевшие следы чудовищных преступлений и зверств американской военщины, рассказали людям во всех странах и об американском напалме, которым испепелены сотни корейских городов и сел, и об американских бактериологических бомбах.

Не удалось американским правителям скрыть от народов и злодейства своей военщины на острове Кочжедо, превращенном ею в усовершенствованный по американскому образцу Майданек. Здесь американские гестаповцы зверски убили, замучили, утопили в море и отравили в душегубках, оборудованных на специальных судах, тысячи пленных бойцов Народной армии и китайских народных добровольцев.

Мне приходилось встречаться и беседовать с многими иностранными представителями, которые приезжали в Корею. Я беседовал с председателем Комиссии Международной ассоциации юристов-демократов профессором Брандвейнером. Он говорил, что Комиссии удалось собрать большое количество материалов, подтверждающих преступные злодеяния американцев.

«Я полностью согласен с мнением Брандвейнера,— сказал представитель Италии Кавальери.— Когда я выезжал из Италии, я не представлял себе таких злодеяний, какие совершаются американцами в Корее».

Представительница Бельгии Моеренс заявила: «У себя на родине я читала книгу, написанную неким американцем. В ней отмечалось, что для войны против Америки японцы подготовили бактериологическое оружие. Тогда мы были возмущены намерением японцев применить это оружие. Сегодня в Корее бактериологическое оружие применяют американцы. Народы всего мира гневно протестуют против преступления».

«В истории еще не было таких злодеяний, какие совершили в Корее американцы,— сказал мне представитель Бразилии Де Бритто.— В Вонсане я своими глазами видел беспримерные сплошные разрушения и следы массового убийства мирного населения. Бразильский народ протестует против посылки американцами войск в Корею».

То же самое говорили Жакье (Франция), Гастер (Англия), Василевская (Польша) и др.

Предприняв нападение на КНДР, американские империалисты вначале думали обойтись «летающими крепостями», бронированным флотом и танками. Макартур ввел дополнительно напалмовые бомбы, концентрационные лагеря и средневековые зверства. Но американские солдаты сдавались в плен, танки сгорали, подожженные корейскими патриотами и китайскими добровольцами. Авиация могла сжечь леса, города, селения, но не могла справиться с несгибаемым духом свободолюбивого народа.

Империалисты бросали в бой не только своих сателлитов. Они ввели в действие до трех пятых состава регулярной американской армии и флота. Шли месяцы, прошли два года войны, а победа все не давалась, несмотря на шаманские заклинания Белого дома и биржевиков Уолл-стрита. С Корейского полуострова везли гробы в Америку, Англию, Турцию, Францию, Австралию, Канаду, Грецию. Списывались со счетов потопленные в корейских водах корабли. На авиационные базы США не возвращались самолеты. Число убитых, раненых и пленных угрожающе подползало к миллиону. Сдавшиеся в плен солдаты Макартура и Риджуэя выступали по радио, про-

клиная своих генералов, всех, кто послал их в «корейское пекло».

Вначале американские генералы хвастались, что их авиация и корабли молниеносно сокрушат Северную Корею и что, дескать, сухопутным войскам ООН придется только «победным маршем» пройти от Пусана через Пхеньян до Алу-Цзяна. Так, в частности, говорил Макартур в одном из своих приказов. Потом он вернулся за океан. Прибыл Риджуэй. Он говорил, что США применят в Корее «новый вид мощного оружия», которое поставит северокорейцев на колени. Он заверял, что к весне 1952 года американцы и их союзники дадут победный салют в Корее и будут награждены орденами. Но прошла весна, затем пролетела осень, а американские солдаты, новозеландские, английские, турецкие и другие «волонтеры» по-прежнему продолжали жить, как звери, в грязных норах, над которыми, не переставая ни днем, ни ночью, жужжали пули, свистели снаряды и мины.

Более 3 тыс. отборных янычар, мечтавших о легкой наживе, нашли позорную смерть в ущельях Кореи. Многие турки сдавались в плен. Командир бригады Тахсин Язызджи, спасая свою шкуру, ускользнул с поля боя в глубокую пещеру и, как крот, прятался в ней несколько дней. Затем убийца Язызджи, застрелив шедшего по горной тропе крестьянина, переоделся в его одежду и, озираясь по сторонам, ночами пробирался на юг, к американцам.

В резерве у Риджуэя имелись две английские бригады, одна канадская бригада, французский, голландский, бельгийский пехотные батальоны, полк пуэрториканцев, батальон греческих монархо-фашистов и даже добровольный люксембургский «пехотный взвод». Американские генералы, не церемонясь, бросали эти подразделения в самые опасные места.

Корейская Народная армия, сорвав весеннее, летнее и осеннее наступления интервентов, перемалывала живую силу врага, уничтожала его технику.

В октябре 1952 года американское командование вновь прервало мирные переговоры.

В это же время обострилась грызня в «войсках ООН». Попавшие в плен солдаты выражали глубокое возмущение тем, что с наступлением холодов в Корее американцы большей частью отсиживаются в утепленных чугун-

ными печками убежищах, а солдат других национальностей заставляют жить в сырых и холодных окопах и блиндажах под губительным артиллерийским огнем.

На одном из участков корейского фронта мне довелось беседовать с пленным английским солдатом У. Раймондом. Он сказал, что «окопы англичан клокочут гневом и возмущением к американцам. Я никогда не думал, что янки такие негодяи: сами сидят в тылу, пьянствуют, а нас бросают на самые опасные участки фронта».

Французский лейтенант Анри Дентилс, попавший в плен, говорил примерно то же, что и английский солдат: «Американцы, как я убедился за год пребывания в Корее, хотят выиграть войну в Корее чужими руками. Сами янки, черт их возьми, предпочитают летать на самолетах в корейском небе, плавать на кораблях в корейских водах, а на суше, в корейских горах, где корейцы навязывают жестокие рукопашные схватки, они, янки, воюют чужими руками — руками лисынмановцев, французов, англичан... Вряд ли американцам удастся выиграть что-либо таким способом».

Упадок духа в «войсках ООН» вызывала и затяжка переговоров о перемирии. Обеспокоенное американское командование шло на всякие уловки, с тем чтобы как-то укрепить «единство» и «дружбу» со своими партнерами по разбою.

Как ни усердствовали завоеватели, им не удалось спасти «войска ООН» от ссор, драк, разложения. После почти двухлетнего кровопролития в Корее, после провала наступательных планов сначала Макартура, а затем Риджуэя, Кларка и Тэйлора, после потери многочисленных человеческих жизней американским генералам становилось все труднее опутывать ложью солдат и офицеров «войск ООН».

Мы могли каждый день наблюдать за тем, как война изматывала «войска ООН». Чем дальше затягивали агрессоры войну, тем сильнее сказывался процесс морального разложения вояк, лицемерно прикрывавшихся голубым флагом ООН. Это касалось не только «союзников», но и американских войск. Тысячи американских солдат выражали свое недовольство политикой правящих кругов США.

Непопулярность корейской войны у солдат-оккупантов, растущие разногласия между странами-«союзница-

ми» — все это говорило о том, что война в Корее должна окончиться лишь поражением американцев.

В 1953 году после очередного провала американского наступления агрессоры под давлением народов мира были вынуждены возобновить прерванные ими переговоры о перемирии и об обмене военнопленными. Но провокации продолжались. В то время, как американские генералы выступали в Паньмыньчжоне с лицемерными и лживыми заявлениями о своем стремлении к миру, американская авиация усиленно бомбардировала и без того разрушенные города Кореи, а охранники-палачи пытали и расстреливали корейских и китайских военнопленных в лагерях на острове Кочжедо, в Пусане и других местах.

Но военное поражение было очевидным. И то, о чем не хотели слышать американские империалисты два года назад, от чего они уклонялись в 1951—1952 годах и в первой половине 1953 года, свершилось в июле 1953 года. Агрессоры были вынуждены подписать перемирие. Это произошло 27 июля 1953 г. Впервые за три года на многострадальной земле Кореи наступила тишина. Народы всего земного шара вздохнули с облегчением. Они радовались победе политики мира, политики разрешения спорных международных вопросов мирным путем.

День 27 июля принес торжество политики мира над политикой силы, политики договоренности равных над политикой диктата сильных. Это была еще не окончательная победа в длительной борьбе противоположных сил, противоположных концепций и программ, но это — выигранное сражение, это новые отвоеванные позиции для дальнейшей борьбы народов за прочный и длительный мир.

Заключение соглашения о перемирии дало корейскому народу возможность вернуться к мирной созидательной работе.

Ущерб, причиненный войной народному хозяйству КНДР, исчислялся громадной суммой, превышающей 4200 тыс. вон. Во время войны было разрушено огромное количество заводов, жилых домов, школ, больниц. Большой ущерб был нанесен транспорту, сельскому хозяйству и другим отраслям народного хозяйства Корейской Народно-Демократической Республики.

Преодолевая большие трудности и лишения, связанные с восстановлением народного хозяйства, трудолюби-

вый корейский народ, опираясь на братскую бескорыстную помощь СССР и других стран социализма, успешно ликвидировал тяжелые последствия войны.

Плодотворность дружбы и сотрудничества советского и корейского народов наиболее полно и убедительно проявилась в период послевоенного восстановления и развития народного хозяйства КНДР.

В 1953 году Советское правительство выделило безвозмездно КНДР для восстановления народного хозяйства 1 млрд. рублей. В счет выделенной помощи Советский Союз поставлял в КНДР оборудование и различные товары.

При технической помощи СССР было реконструировано и построено более 40 объектов. С помощью Советского Союза в КНДР были восстановлены ведущие предприятия и электростанции, дающие стране около трети производства электроэнергии, почти всю продукцию цветной металлургии, основную продукцию химической промышленности, включая азотные удобрения, и три четверти производства хлопчатобумажных тканей.

Советский Союз оказывает КНДР техническое содействие в строительстве ряда крупных промышленных предприятий, в том числе Пхеньянской теплоэлектроцентрали мощностью в 400 тыс. *квт.*

Важной формой сотрудничества КНДР с Советским Союзом является внешняя торговля. Примерно половину внешнеторгового оборота КНДР со странами социалистического лагеря составляет внешняя торговля с СССР. Советский Союз поставляет в КНДР различные машины и оборудование, запасные части к ним, нефтепродукты и смазочные масла, хлопок, прокат черных и цветных металлов, алюминий, кабельные изделия, автотракторные шины, химические продукты и ряд других товаров.

Главные экспортные товары КНДР — это продукция черной и цветной металлургии, горнодобывающей и химической промышленности.

Успешно развиваются советско-корейские научно-технические связи. Научно-техническое сотрудничество осуществляется в области металлургической, химической, рыбной, текстильной, электротехнической промышленности, строительства и сельского хозяйства.

Всего с 1955 по 1965 год Советский Союз передал КНДР 2500 комплектов научно-технической документа-

ции. Со своей стороны, КНДР предоставила Советскому Союзу техническую документацию на ряд технологических процессов в химической промышленности, в производстве цветных металлов. Все это содействует развитию соответствующих отраслей экономики СССР.

Учитывая, что строительство социализма в КНДР осуществляется в напряженной международной обстановке, правительства СССР и КНДР, руководствуясь стремлением развивать и укреплять дружественные отношения между обеими странами, а также желанием содействовать поддержанию и укреплению мира и безопасности на Дальнем Востоке, заключили в 1961 году Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. Проникнутый животворными идеями социалистического интернационализма, договор явился важным вкладом в укрепление традиционной советско-корейской дружбы. Договор служит предупреждением для тех, кто не оставляет надежд испытать военным путем прочность КНДР, посягнуть на свободу и независимость корейского народа.

Как в годы войны, так и в мирное время корейский народ не одинок. С ним всегда был его могучий сосед — Советский Союз — родина великого Ленина, родина Великого Октября.

«Можно прямо сказать, — писал Ким Ир Сен, — что если бы не было Советского Союза — великого детища Октября, если бы не было его исторической победы над германским фашизмом и японским милитаризмом, Корея все еще была бы в тисках колониального гнета Японии, у нас не было бы теперь собственного независимого государства в лице Корейской Народно-Демократической Республики, мы не достигли бы тех крупных успехов в демократическом строительстве, которые укрепили фундамент нашей государственности, и, следовательно, мы не имели бы возможности так успешно сопротивляться вооруженной интервенции американских империалистов» [6].

Большую помощь оказали и продолжают оказывать КНДР Польша, Чехословакия, Венгрия, Румыния, Болгария, ГДР, Монголия и другие социалистические страны.

---

[6] Ким Ир Сен, Великая Октябрьская социалистическая революция и национально-освободительная борьба корейского народа, «Новая Корея», 1951 г., № 11, стр. 4.

С помощью дружественных стран корейский народ успешно выполнил трехлетний план восстановления и развития народного хозяйства. Были восстановлены и построены Супхунская ГЭС мощностью 600 тыс. *квт*, 6 предприятий черной металлургии, 32 угольные шахты, 24 горнорудных предприятия, 17 машиностроительных заводов, 53 предприятия легкой и пищевой промышленности и др.

...Заметки о Корее военных лет подходят к концу. Они отнюдь не претендуют на исчерпывающее освещение и научный анализ социально-политической и военной жизни КНДР, а содержат лишь впечатления и наблюдения очевидца многих событий на опаленной огнем войны корейской земле. Три года работы в КНДР в военный период навсегда останутся в моей памяти и в моем сердце.

Современная обстановка в мире, к сожалению, очень напоминает то, что происходило более двадцати лет назад.

Эхо Кореи 1950—1953 годов сегодня раздается в джунглях Вьетнама. Виновник? Он один и тот же: американский империализм — международный жандарм!

Однако становятся все более очевидными напрасные усилия американских империалистов. Курс США на подавление национально-освободительного движения противоречит воле народов, борющихся за свободу, независимость и социальный прогресс.

Народы всех континентов земного шара имеют теперь необходимые условия для того, чтобы обеспечить мир. И главное из этих условий — международный вес и политика Советского Союза, который оказывает серьезное сдерживающее влияние на любителей разжигания мирового военного конфликта.

Большую роль в борьбе народов мира против империализма и его агрессивных акций, за действительную независимость играют и другие социалистические государства. Активная внешнеполитическая деятельность социалистического лагеря в интересах обеспечения международного мира наносит сокрушительные удары по преступным планам США, ФРГ и других капиталистических стран, которые, как огня, боятся разрядки международной напряженности и развития мирного сотрудничества между всеми странами...

Мне снова вспоминается 27 июля 1953 г. — день, когда смолкли орудия в Корее. Долгим и трудным был путь к победе. На долю корейского народа выпала тяжелая судьба: ему пришлось выдержать суровые испытания, но он с честью отстоял свои завоевания. И всегда на его стороне была поддержка Советского Союза.

Опять вспоминаются страшные картины разрушений... А сейчас Корейскую Народно-Демократическую Республику не узнать. Она восстала из пепла. Экономика КНДР переживает период бурного подъема. Страна добилась больших успехов в развитии индустрии. Республика строится, хорошеет с каждым годом.

Прошедший период времени убедительно продемонстрировал великое значение дружбы советского и корейского народов. В 1967 году между СССР и КНДР были заключены новые важные соглашения об экономическом и техническом сотрудничестве. Советский Союз выразил согласие оказать содействие в строительстве новых промышленных объектов, в том числе цехов горячего и холодного проката на металлургическом заводе имени Ким Чака, крупного нефтеперерабатывающего завода, тепловой электростанции в Пукчине, завода по производству аммиака и ряда других.

На международной арене Советский Союз активно выступает в защиту законных прав корейского народа, поддерживает его борьбу за изгнание американских оккупантов из Южной Кореи и мирное объединение страны.

Братская дружба советского и корейского народов, народов всего социалистического лагеря — несокрушимый оплот мира и безопасности, залог грядущих побед социализма и коммунизма.

* *
*

Оглядываясь на события недавнего прошлого, свидетелем которых я был, невольно сравниваешь их с тем, что происходит в современном мире.

И тут, возможно, уместно заметить: многое сегодня напоминает то, что уже стало историей.

Надеюсь, что впечатления, сохранившиеся от моего пребывания в странах Дальнего Востока, будут небезынтересны читателю и в какой-то мере помогут ему лучше разобраться в сегодняшних событиях в этом районе земного шара.

ИСПРАВЛЕНИЕ

На стр. 8, второй абзац снизу, следует читать:

В 1920 году РСФСР заключила мирные договоры со своими ближайшими западными соседями — в то время еще буржуазными республиками — Эстонией, Литвой, Латвией, а также с Финляндией. В. И. Ленин говорил тогда, что мы на деле показали своей мирной политикой настоящее желание жить в мире со всеми.

Зак. № 127

19 коп.

ИМО